

№12
Декабрь 2015

РУССКИЙ КЛУБ

«СПЕКТАКЛЬ
СТАЛ НАСТОЯЩИМ
ОТКРОВЕНИЕМ!»

Стр. 22

ВСЕГДА

«GIFT»

Стр. 6

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Владимир ГОЛОВИН
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИИ МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№12⁽¹²²⁾
Декабрь 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВСЕГДА «GIFT»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 11 ЧЕЛОВЕК НЕИССЯКАЕМОЙ ЭНЕРГИИ
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 15 ЧАЦКИЙ В ТИФЛИСЕ
АННА ФАЛИЛЕЕВА
- 20 ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ
ЖАННА ГРЕЧУХА
- 22 «СПЕКТАКЛЬ СТАЛ НАСТОЯЩИМ ОТКРОВЕНИЕМ!»
- 26 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 СТИХОТВОРЕНИЯ
БОРИС ДАВЫДОВ
- 34 ДОСТОЙНОЕ СЛУЖЕНИЕ
- 37 ПОЗНАТЬ ЯЗЫК ПРИРОДЫ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 42 ДИНАСТИЯ
ДЭВИ ПУТКАРАДЗЕ
- 46 АЛЕКСАНДР ФЛОРЕНСКИЙ: «БЫТЬ, А НЕ КАЗАТЬСЯ»
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 52 МАКОВКА
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ
- 54 ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ: «Я СЧАСТЛИВЧИК –
МОИ ФИЛЬМЫ ПРИНИМАЛ НАРОД»
ДОНАРА КАНДЕЛАКИ

На обложке – Главная елка страны

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

«ШЕПОТ, РОБКООЕ
ДЫХАНЬЕ, ТРЕЛИ СОЛОВЬЯ»
АФАНАСИЯ ФЕТА

Однажды молоденькая студентка консерватории – серьезная и вдумчивая барышня разбирала на занятиях какое-то произведение Скарлатти или Корелли. Она старательно нащупывала нюансы, но преподаватель одернул ее: «Не ищи глубоких смыслов – это просто красивая музыка!» Так и в русской поэзии: есть Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Баратынский, а есть поэты «второго» ряда – Аполлон Григорьев, Полонский и Фет, писавшие «красивые стихи». И 5 декабря исполнилось 195 лет со дня рождения замечательного поэта-лирика Афанасия Фета. Он не был баловнем судьбы с самого детства. Его мать Каролина Беккер, беременная им от законного мужа, без памяти влюбилась в русского постояльца Афанасия Шеншина и сбежала с ним из родного Дармштадта на его холодную родину. Новый избранник Каролины оказался настоящим человеком – полюбил женщину, принял ее ребенка, дал свое имя и стал ему отцом. Но вот незадача – у четырнадцатилетнего мальчика строгие

буквоеды из церковной консистории отняли фамилию Шеншин и повелели называться по фамилии неведомого биологического отца – Фета. Так началась многолетняя борьба за возвращение имени, омрачившая жизнь молодого человека. Он стал офицером, чтобы вновь обрести дворянство. Но тут дворянство стали жаловать только старшим офицерам, а служить всю жизнь ой как не хотелось. С годами все, конечно, разрешилось благополучно, и Фет вновь стал Шеншиным и, к тому же удачливым, практичным и деловитым помещиком – все-таки немец по крови. Но Россия уже хорошо знала поэта Фета, публиковавшегося с самой юности. Афанасий Афанасьевич дружил с Некрасовым, Гончаровым и Тургеневым, который, кстати, очень удачно редактировал его стихи, безжалостно вымарывая неудачные или малоценные. Фет сердился, но авторитет друга был непоколебим – именно эту редакцию мы до сих пор и читаем. Хотя современники считали Фета поэтом поверхностным, «светлого царства мечты», для которого «людские так грубы слова». Но кто из нас не слышал и не восхищался изумительным романсом «На заре ты ее не буди»?

ПРОРОК УЧЕНИЯ ДОНА ХУАНА

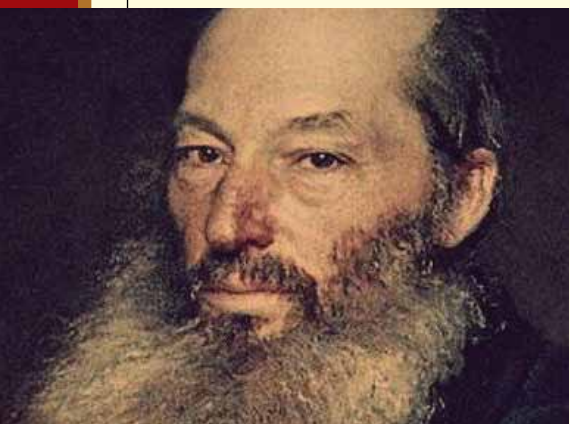
День его рождения пришелся на 25 декабря – светлый праздник Рождества, но какого года – 1925 или 1931, а может, и вовсе 1935, установить невозможно. Равно, как и место рождения – перуанская ли это Кахамарка, или же Рио-де-Жанейро в Бразилии. Косвенно можно предположить последнее, ибо он прекрасно говорил по-португальски. Но как бы то ни было, в декабре мы отмечаем день рождения одного из самых загадочных мыслителей XX века – Карлоса Кастанеды. Он исповедовал учение дона Хуана – то ли реально встреченного им индейского шамана, то ли интригующего литературного персонажа его книг. Кастанеда в них рассказывал, как по окончании университета повстречался с этим мудрецом в «полевой» антропологической экспедиции. Тот склонил его к своей странной философии, а Кастанеда написал

об этом книги, ставшие бестселлерами. Так миру явилась еще одна сбывшаяся «американская мечта», когда бедняк из Латинской Америки обосновался в США и стал знаменитым и богатым. Тогда-то Кастанеда и избавился от своей «личной истории» – это было обязательным элементом духовной практики «пути воина», завещанной ему старым индейцем. И с тех пор мы ничего достоверного о Кастанеде не знаем – сплошной туман и разночтения. Зато дело великого дона Хуана живет и побеждает. Оно стало популярным и в странах бывшего СССР в период перестройки среди впечатлительных девушек и, особенно, в кругу гуманитарного склада молодых людей.

СОЗДАТЕЛЬ МАУГЛИ И ДРУГ КОРОЛЯ

Как известно, первым из британцев, получившим Нобелевскую премию в 1907 году был гениальный литератор Джозеф Редьярд Киплинг. На его «Книгах джунглей» о мальчике Маугли, усыновленном волчьей стаей, сказках Старой Англии, истории о юном разведчике Киме и рассказах об отважных мореплавателях выросло уже много поколений читателей по всему миру. Это был потрясающий писатель и поэт, появившийся в нужном месте в нужное время – в преддверии великих исторических потрясений начала XX века и Первой мировой войны. Нации был нужен именно такой поэт, воспевавший мужество, храбрость и воинскую

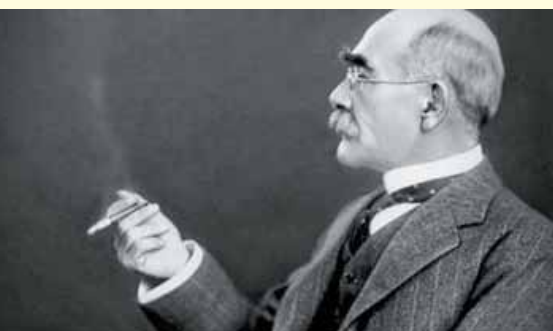

доблесть. Оскар Уайльд называл Киплинга «гением, говорящим на кокни» – то есть языке простонародья. Но родился он не в Англии, а в солнечном Бомбее в семье профессора школы искусств. И на историческую родину попал только в школьном возрасте. Отучился и сразу же назад в родную Индию, подальше от сырых туманов, чопорных учителей и казарменных порядков Девонского училища. Он называл Англию «самой приятной за границей», а сам радовался пестрой восточной жизни, суеде базаров и многоязычному говору. Киплинг стал журналистом и исколесил немало дорог в поисках героев своих репортажей. Публика наизусть знала первые же опубликованные его стихи. Потом наступило время киплинговских бессмертных шедевров. Он сразу стал необычайно популярен, даже в России. Сам Лев Толстой заявил, что Киплинг «совсем слаб, расстрепан, ищет оригинальности». Но если учесть, что маститый классик «прикладывал» самого Шекспира, то это, наверное, можно считать комплиментом. Киплинг был успешен, обласкан вниманием публики и критиков, но сам считал себя человеком «без биографии». Говорил, что о нем нужно судить только по его книгам, «заглядывая через плечо». Внешне он не был похож на англичанина – в сильных очках, лысоват, с кустистыми бровями и смуглый, как индус. А еще был ироничен и не любил журналистов. Сам же умел добывать нужную информацию, здорово формулируя вопросы – видно, в репортерские годы был большим мастером интервью. По своим взглядам же был, как писали в советских источниках, «оголтелым империалистом и идеологом колониализма». И еще. Киплинг в последние пятнадцать лет своей жизни был самым близким другом... Георга V – дедушки нынешней королевы.

ИЗ ДОМА ВЫШЕЛ ЧЕЛОВЕК...

Его псевдоним в переводе с английского означает вред, ущерб, обида или, точнее, напасть. Представляете, человека зовут во множественном числе «напасти» – как тут не поверить в плохую примету. И ведь, действительно, накликал на себя беду симпатичный и безобидный, но талантливейший питерский довоенный поэт-новатор Даниил Иванович Ювачев, которого весь мир знает под псевдонимом Хармс. Он родился 30 декабря 1905 года, а умер страшной блокадной зимой в тюремной больнице, куда попал по доносу о пораженческих настроениях. Сидел в тюрьме и его отец, народоволец и бывший морской офицер, но тот хоть по делу – человек с царизмом боролся за народное счастье. А Хармс погиб ни за что. Только за то, что был чудаком, носил шнурованные до колен желтые ботинки, дурацкие жилеты с часовыми цепочками, кепи а-ля-Шерлок Холмс и курил трубку. А еще он писал гениальные абсурдистские стихи, полные парадоксов и несуразностей, и был участником экстравагантной и эпатажной поэтической группы ОБЭРИУ. Но в Советской России такие стихи были понятны только детям с их независимым взглядом на мир – вот Хармс и печатался только в детских журналах «Чиж», «Еж» да «Сверчок». При этом никогда не халтурил, хоть и не любил творить для детей. Даниил Иванович был человеком добросовестным и не мог писать плохо. А вот взрослых стихотворений при жизни у него было напечатано только два... Зато сейчас этого невероятно талантливого и насмешливого автора вознесли на такой пьедестал, что, увидев сей памятник «нерукоотворный», Хармс захохотал бы, хлопая себя по коленкам...

ПУТЬ КАРЛИТО

ЮНЕСКО утвердил День танго 11 декабря, и эта дата не случайна – в этот день в 1890 году родился Карлос Гардель – тот, кто сделал танго всемирно знаменитым танцем. Он был чистокровным французом из Тулузы. Мать привезла его в Буэнос-Айрес в двухлетнем возрасте. Они поселились в неблагополучном районе рынка Абасто. И скоро очаровательный, сладкоголосый малыш Карлито, не окончивший и двух классов, стал любимым уличным певцом простого люда – портовых рабочих, базарных торговцев, матросов, бандитов и проституток. А когда он в двадцать пять впервые спел песню на мелодию танго, наступила новая эпоха – победного мирового шествия этого чувственного и немного печального танца «одиноких сердец». А сам красавец-брюнет «Марочо» стал мировой эстрадной иконой. Вместе с

соавтором Альфредо Ле Перой он сочинил десятки танго, записал множество грампластинок и даже снялся в нескольких фильмах. Но роковая авиакатастрофа в 1935 году в медельинском аэропорту оборвала жизнь Гарделя и его друзей-музыкантов. Но не забыто его имя и его прекрасные танго – в фильме «Запах женщины» под «Por Una Cabeza» танцует слепой герой Аль Пачино с юной красавицей. Не забыта и могила самого Брюнета с рынка Абасто – «эль Марочо дель Абасто» – там всегда свежие цветы и зажженная сигарета в пальцах его памятника.

«Евгений Онегин»

ВСЕГДА «GIFT»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

С наступлением осени тбилисцы, как правило, ощущают сладкое предвкушение – предвкушение встречи с настоящим искусством и большими мастерами. Эту уникальную возможность уже не один год дарит нам Тбилисский международный фестиваль искусств имени М. Туманишвили «Gift» и его основательница и хозяйка Кети Долидзе. В программе грузинского «Подарка», преодолевшего за долгие годы своего существования немало препятствий, но выжившего, никогда не бывает случайных названий и участников – только лучшее, только новые и самые модные тенденции современного театра и известные имена.

Уже сама церемония открытия фестиваля, прошедшая в Tbilisi Garden Hall, была праздничной – прежде всего благодаря участию тбилисского муниципального биг-бенда под управлением Гиви Гаче-чиладзе. В его исполнении прозвучала джазовая музыка, мелодии из популярных фильмов. Прошла выставка российской легенды фотографии Валерия Плотникова.

По традиции были вручены статуэтки Михаила Туманишвили – в этом году обладателями этой престижной награды «Gift» стали наши соотечественники: выдающийся композитор Гия Канчели, известные актрисы Марина Джанашия, Нана Пачуашвили, Нани Чиквинидзе, певица, актриса, художник, композитор Манана Менабде, художественный руководитель театра музыки и драмы имени В.Абашидзе, режиссер Давид Доиашвили.

Среди награжденных была и знаменитая немецкая танцовщица и хореограф Саша Вальц, представившая в Тбилиси эффектный хореографический спектакль «Травелог I – Двадцать к восьми», музыку к которому написал Тристан Хонсингер. По словам Саши Вальц, в своем творчестве она продолжает традицию немецкого экспрессионизма (Мэри Вигман), а с другой стороны – американского постмодернизма в том виде, в котором он развивался после Мерса Каннингема: Judson Dance, Стив Пэкстон и Триша Браун. «Контактная импровизация всегда была для меня одним из ключевых элементов. Эти две противоположные традиции причудливо сочетаются в моем творчестве. Также большое влияние на меня оказали голландские педагоги, например, Симона Форти», – рассказала хореограф.

«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ» ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Уже в первые дни фестиваля свое искусство представил Санкт-Петербургский театр кукол – спектакль «Песнь песней», в основе которого ветхозаветный сюжет: история любви царя Соломона к девушке Суламифи. Художественный руководитель театра, режиссер Руслан Кудашов предложил импрессионистское музыкально-пластическое зрелище, насыщенное символами и аллегориями. Использование разных изобразительных возможностей театра с прямыми цитатами из образного строя Сергея Параджанова, язык интенсивного красного цвета и его оттенков – кровь, сок граната, алые лепестки роз, слово «любовь», многократно и на разных языках выписанное красными буквами, пурпурные одежды мужчины и женщины, вытканые на ковре.

– Как рождался этот удивительный спектакль? Из каких впечатлений и размышлений? – спрашиваю Руслана Кудашова.

– Он меня возвращает в то время, когда мне было очень плохо: я испытывал кризис творческий и жизненный. Известная вещь: когда человек реально находится на грани, то понимает сущностные вещи, которые важнее всего в жизни человека. Он начинает ценить свою жизнь, которая в новых обстоятельствах ограничена значительно больше. Для меня спектакль «Песнь песней» является билетом в то время, когда рождался его замысел. На меня сильно повлияла книга Питера Крифта «Три толкования жизни» – три философии жизни, каждая из которых представлена одной книгой Библии. «Песнь песней» – одна часть ветхозаветной трилогии, в которую вошли «Екклесиаст» и «Книга Иова». Их мы тоже поставили.

Наш замысел рождался единым. Для меня было очень важно осуществить все три постановки именно в тот период, когда я выходил из кризиса, когда жизнь обратно возвращалась и была возможность продолжать ее и в творчестве, и в семье. Спектакли трилогии очень отличаются друг от друга. Это совершенно раз-

ная стилистика, разный язык.

– А «Книга Иова», поставленная вами после «Песни песней»?

– Она больше соответствует традиционному театру, со ссылками из античной трагедии. Потому что это ближе к античности по времени и относительно – по духу. «Книга Иова» – единственная из трех частей, где ведутся диалоги, есть герой и его оппоненты, есть ответ Творца. Здесь уже намечалась архаическая драматургия, которую можно было использовать. После «Песни песней» нам хотелось сделать очень понятный для зрителей спектакль. Нам стоило большого труда и расшифровывать, и как бы присваивать эти тексты себе. Присваивать – потому что в любом случае мы говорим о себе. Мы не говорим о царях, пастухах, которые жили в те времена, в какой-то степени мы сами ими являемся... или не являемся. Подобное мы находим у Шекспира: есть момент, когда Ромео абсолютно счастлив и чувствует себя царем мира. Соломон, влюбленный в Суламифь, тоже чувствует себя царем мира, потому что любящий человек – царь. И мы можем открывать в себе разные стороны этого ощущения. Когда мы теряем его, то высыхаем, как пустыня. В финале нашего спектакля возникает образ пустыни, из которой выходит наша героиня. Христос, как известно, тоже сорок дней был в пустыне, поэтому все у нас символично и взаимосвязано. Вот эту взаимосвязь мы хотели обрести, и в момент репетиции, видимо, обрели. В обыденной жизни этого добиться

тяжело, практически невозможно. Сам спектакль «Песнь песней» – напоминание о тех днях, когда мы имели счастливую возможность размышлять на высокие темы, которые нас самих поднимали.

– Язык спектакля выкристаллизовывался трудно, или вас, как говорят, «само вело»?

– Что-то вело – это точно. Но дело в том, что этим языком мы занимались давно – несколько лет подряд. Им владеют наши студенты, выпускники. Поэтому мы, будучи в театре кукол, должны искать понимание современного театра. Иногда эти понятия смешиваются – кукольный театр, визуальный театр. Есть у нас и чисто кукольные спектакли. Если говорить о поиске своего пути, то мы этим занимались в течение нескольких лет.

– В «Песнь песней» ощущается влияние эстетики Сергея Параджанова, Андрея Тарковского.

– Да, в спектакле есть прямые, откровенные цитаты из Параджанова и Тарковского. Сама история говорит о взаимосвязи, о связи всего сущего. Это очень важно, мне кажется: где один художник заканчивает, там другой начинает и пользуется опытом и достижениями предшественников. Мы не должны, грубо говоря, нарушать связь времен. Наоборот, мы должны сращивать, соединять. И так вокруг много того, что разрушает и разъединяет. А наша задача – ткать и созидать. Поэтому в спектакле «Песнь песней» возникают ткачи – они ткут ковер. Так что я несколько не отрекаюсь от цитат – наоборот. Но мы используем это в своем контексте.

«ХАНУМА» ПО-РИЖСКИ

Неожиданное, «европеизированное» решение всем знакомой «Ханумы» А.Цагарели предложили рижане – русский театр имени М.А. Чехова. Его, по словам режиссера-постановщика спектакля, известного российского хореографа и актрисы Аллы Сигаловой, подсказала неожиданная сценография грузинского художника Гоги Алекси-Месхишвили. Он отказался от традиционной стилистики –

«Ханума»

воспроизведения тифлиских реалий, города конца XIX в. и предложил некий символ, надбытовое, очень условное оформление, в котором главное – пиршество ярких цветов, праздник колорита, не имеющего определенно выраженный национальный характер. Еще меньше связаны с кавказской темой костюмы – нечто клоунско-эстрадное, кафешантанное. Эта атмосфера определила и форму существования актеров – они работают достаточно свободно, без традиционного акцента (в широком понимании этого слова). Яркие, «подиумные» Ханума и Кабато (Вероника Плотникова и Наталия Живец) – в спектакле рижан характеры вполне интернациональные. Как, впрочем, и остальные персонажи. Отдельно хочется сказать о музыкальном оформлении – звучит всеми любимая музыка Гии Канчели, но в джазовой обработке. В живом исполнении потрясающего латвийского Xylem TRIO.

ВЫСОКАЯ ПЕЧАЛЬ РИМАСА ТУМИНАСА

«Gift» уже во второй раз пригласил в гости выдающегося литовского режиссера Римаса Туминаса, причем сразу с двумя спектаклями. В одном, поставленном по пьесе молодого драматурга Марюса Ивашквичюса «Мадагаскар», он размышляет о литовском национальном характере и судьбе литовского народа, в другом – инсценировке пушкинского «Евгения Онегина» – предметом его художественного «исследования» становится таинственная русская душа. Напомним, что в прошлом году подавляющая часть тбилисских зрителей влюбилась в «Дядю

«Евгений Онегин»

Ваню» Римаса Туминаса.

Спектакли Туминаса особенные. Их подчас не просто анализировать – невозможно «поверить алгеброй гармонию». Потому что эти постановки иррациональны. Жанр спектакля, на наш взгляд, – ностальгический гротеск. Для главных героев, патриота-идеалиста Покштаса и одухотворенной поэтессы Сали, безуспешно ищущей свое счастье в Париже, важнейший вопрос – самоидентификация литовского народа, поиск им своего места на земле. Умник Казимерас Покштас, озабоченный судьбой соотечественников, находит для литовцев новое, «запасное» отечество. Подальше от русских, немцев и поляков – на Мадагаскаре. Эта утопическая, абсурдная идея настолько им овладевает, что он абсолютно теряет чувство реальности, пытается заинтересовать литовского посла во Франции, а тот предлагает... переселить литовцев на Луну.

Спектакль окутан печалью и в то же время пронизан едкой, «муравьиной кислотой» иронии и самоиронии: эти качества вообще присущи режиссеру и его созданиям. Ко всем завиральным, несбыточным идеям, к страстям человеческим, к любому проявлению пафосности Туминас относится настороженно или снисходительно, смотрит на людскую суету сует с высоты птичьего полета, словно ему дано какое-то высшее знание о природе вещей, тайне жизни и смерти. В какой-то момент в спектакле «Мадагаскар» возникает переключка с Чеховым, с «Тремя сестрами» – в сцене, когда Саля, вернувшись из Парижа на родину и стоя у картинной рамы вместе с подругами Милей и Гелей, говорит о желании отправиться в поисках самой себя в российскую столицу. «В Москву. В Москву. В Москву, сестренки мои. Там настоящая жизнь. Богоподобные политруки в кожаных пиджаках. Туда ведут меня звезды. Пятиконечные, красные. Я вся – целиком в Москве. Здесь одна моя тень, мое далекое эхо. Здесь у меня дефицит кислорода», – говорит Саля – «литовка душою», в итоге так и не обретшая счастья и рано ушедшая из жизни.

Ищет и не находит счастья ее славянская «подруга» Татьяна Ларина из другой эпохи и другого спектакля Туминаса – «Евгений Онегин», который режиссер поставил на сцене Московского театра имени Е.Б. Вахтангова.

Литовцу Туминасу удалось не только точно воспроизвести картины жизни русского дворянства первой четверти XIX века, но передать сам дух

романа, его философию и метафизику. Скучный лексикон не позволяет выразить в полной мере атмосферу, созданную режиссером. Она – в волшебной музыке Петра Чайковского, Дмитрия Шостаковича, Фаустаса Латенаса, разлитой по всему «пространству» спектакля; в балетных па юных дев, занимающихся в танцклассе под руководством строгого танцмейстера с прямой спиной и безупречным французским; в самих волнующих звуках этого языка, на котором свободно изъяснялось русское дворянство; в нежных переливах думы, на которой играет странное, но очень милое лохматое существо, обозначенное в программке словом «странница» (Екатерина Крамзина) – то ли дух, то ли ангел-хранитель, незримо присутствующий рядом с Евгением Онегиным;

«Ту самую Татьяну» тбилисцы оценили в трактовке двух актрис (в разных спектаклях) – Евгении Крегжде и Ольги Лерман. В двух главных сценах – письмо Татьяны к Онегину и ночной разговор Татьяны с няней – обе достигли вершин актерского мастерства, были смелы и откровенны, очаровали искренностью и яркой эмоциональностью. «Я влюблена!» – признается Татьяна. От переполняющих ее чувств девушка буквально вибрирует, рывком приподнимает кровать, на которой спит няня, и в упоении вращает ее по сцене. Ольга Лерман и Евгения Крегжде передают внутренний трепет, любовную горячку Татьяны, которую не могут погасить ни доводы разума, ни святая вода: ею пытается «остудить» влюбленную девушку испуганная няня. Возбужденное состояние героини передается зрителям – их тоже охватывает волнение, которое сохраняется на протяжении всей сцены «Письма Татьяны к Онегину».

Во второй части спектакля мы видим перерождение Лариной. Союз с седовласым генералом – отнюдь не вынужденный шаг засидевшейся в девках Татьяны. В нем она находит родственную душу, те ценности, которые ей по-настоящему дороги. Очень трогает сцена совместного поедания варенья, показывающая возникшую между Таней и генералом Греминым (Юрий Шлыков) душевную близость. И она Татьяна не менее дорога, чем все еще сохранившаяся в ее душе любовь к Онегину.

Онегина и Ленского играют по два актера. В образе молодого Евгения, надменного, самоуверенного молодого человека, предстает Виктор Добронравов, а героя средних лет, вспоминающего прошлое через энное количество лет, воплощают на сцене, в очередь, Сергей Маковецкий и Алексей Гуськов. Владимир Ленский «показан» глазами Олега Макарова и Василия Симонова.

Если Сергей Маковецкий – Онегин отстраненный, непроницаемый, барственный, с «бешеной уставшей душой» (чуть перефразируя слова Андрея Вознесенского из «Юноны и Авось»), то Алексей Гуськов – Онегин более открытый, саркастичный, жесткий, с неизжитыми страстями. При этом оба не могут освободиться от обжигающих воспоминаний и сожалений. Оба не расстаются с фетишем – любовным посланием Татьяны, вставленным в рамку как самая ценная и дорогая реликвия. Интересно было сравнить две трактовки замечательных актеров, никому не отдавая пред-

почтения.

У Ленского – Василия Симонова – определенно «геттингенская», романтическая душа. А Олег Макаров, существующий в образе Ленского параллельно с Василием Симоновым, относится к своему герою как бы со стороны – с нежной иронией.

Сцена дуэли и гибели Ленского поистине трагична – неподвижная обнаженная спина и опущенная на левое плечо голова героя (актер Василий Симонов сидит спиной к зрителю) создает ощущение беззащитности этого «агнца божьего» перед злым роком судьбы... Вся сцена поставлена не как дуэль, а как жестокое убийство Ленского. Тщетно пытается вдохнуть жизнь в юношу своей игрой на домре «странница», с состраданием вглядываясь в лицо убитого.

С подлинной фантазией и тоже с нежным отношением решен образ Ольги (Мария Волкова) – мыто привыкли относиться к ней традиционно, помня известное пушкинское сравнение с луной. Однако Ленский дарит ей свою душу, свою любовь – ее символизирует в спектакле аккордеон, с которым девушка не расстается вплоть до смерти Ленского. Потом инструмент, то есть, по сути, любовь Владимира, у нее насильно, очень грубо отбирают – и прекрасная сказка кончается... Начинается другая реальность – с другим человеком.

В финале Татьяна танцует с медведем. Кто-то видит в этой сцене союз Лариной с ее мужем-генералом, другие трактуют медведя как символ «русскости» как таковой, а кружение с ним Татьяны – как выражение ее глубинной связи с родиной... Хотя объяснение финального танца лежит, скорее всего, в области иррационального, в сфере свободных ассоциаций.

ТЕАТР АБСУРДА ДМИТРИЯ КРЫМОВА

Россию пушкинскую нам показали в спектакле Римаса Туминаса. В ином ключе – абсурдном – представил окружающие его реалии Дмитрий Крымов в спектакле «Школы драматического искусства» – «Русский блюз. Поход за грибами». Смелый режиссер-экспериментатор, впервые покоривший тбилисскую публику три года назад, вызвал своей новой работой разные чувства – от восхищения до недоумения. Слишком необычен его театральный язык.

Жанр спектакля сам создатель определил так: театральная метаморфоза, фантазия из двенадцати сцен, объединенных общим сюжетом. «Русский блюз» – абсурд, возведенный в энную степень, жутковатый, то бишь, черный юмор и сарказм, гэги, приколы. Режиссер верен своей стилистике, изнутри взрывающей наш столь нелепый, а подчас и страшный мир. В этом вывороченном и вымороочном пространстве, в котором обитают весьма странные люди, случаются самые невероятные вещи. К примеру, из унитаза женщины, собравшейся по грибы, вдруг вылезает... дерьмо. Весьма, кстати, симпатичное, белое и пушистое – в образе юноши в нарядном белом костюме, украшенном гирляндами. В спектакле постоянно происходят какие-то катаклизмы – то буря сметает со сцены картонный домик, в котором укрывались грибно-

ки, то на наших глазах раскалывается огромная льдина (и мы видим весь процесс воочию!), в результате чего тонет человек, то гибнет подводная лодка вместе с моряками (невольно вспоминаешь реальные события недавнего прошлого). Так же многообразно и пестро актерское существование на сцене: они то хранят молчание перед священным походом за грибами; то танцуют под классическую музыку балет среди огромных картонных берез, похожих на трубы атомного реактора; то ведут абсурдные диалоги и выступают с монологами о... страусе. Время от времени пронзительными оперными руладами напоминает о себе вокалистка. В спектакль введен еще один необычный персонаж: некий человек в стеклянной будке, бодро комментирующий происходящее, рассказывающий анекдоты и байки, сообщающий какие-то исторические подробности и другую громоздкую и никому не нужную информацию. А голос Левитана произносит хвалу грибам в Подрезково (микрорайон в городе Химки), сыгравшим стратегическую роль во время исторической битвы под Москвой. Верх абсурда – странное, мягко говоря, свадебное платье, которое примеряет на себя невеста в салоне. На самом деле это огромные панталоны, кое-как напяленные на девушку. Но выдается это, с позволения сказать, «платье», за самую модную модель. И стоит она соответственно. Это – смешная «нелепость». Но есть в спектакле и страшные «нелепости».

«Русский блюз. Поход за грибами»

Этих проявлений абсурдности в спектакле много, как грибов в корзинах грибников. В финале круг замыкается – участники похода возвращаются в свой картонный домик. Вместе с рыбой, водолазом и невестой утонувшего в подлодке моряка. Идет тщательный, рутинный подсчет собранных грибов – ничто не меняется в этом бессмысленном мире. Создатели спектакля принимают радикальное решение: упаковать картонный домик с его убогими обитателями да сжечь. И осуществляет эту апокалиптическую акцию не кто иной, как... тот самый юноша в белом, олицетворяющий дерьмо. Пока пламя пожирает домик, он энергично вращается в каком-то дьявольском, торжествующем танце. А над сценой гимнаст (вернее, кукла гимнаста) ловко подтягивается на кольцах... Жизнь-то продолжается, что бы ни происходило в этом нездоровом человеческом обществе.

Как это чаще всего бывает в спектаклях Лаборатории Дмитрия Крымова, все звучащее в его спектаклях тексты – плод коллективного творчества.

– **Дмитрий Анатольевич, знали ли вы, отправляясь в поход за грибами, чем он закончится?**

– Нет, я не знал, чем закончится спектакль, когда начинал работать. Поначалу было очень много эпизодов. Я просто придумал такую штуку: пришел, рассказал ребятам свой замысел и увидел, что им понравилось. А это уже есть повод для работы. Дальше началась сама работа, у меня была идея и композиция, но композиция менялась, дополнялась странными эпизодами, на первый взгляд, не связанными друг с другом. Подлодку я придумал с самого начала и стоял за нее горой. Но была еще задумана большая сцена в зоопарке, и от нее в итоге остался только монолог о страусе. Были поначалу клетки-клетки-клетки, и в зоопарк приходит то ли молодая пара, то ли школьники с мороженым. Они ходят вдоль клеток и смотрят на животных, которых изображают наши актеры. Спinoй к залу сидит актер Саша Ануров – полный человек, такой медведь – он должен был в конце обернуться, и пара должна была его сильно испугаться. Если бы мы это осуществили, то довели бы сцену до инфернальности, которая звучит в каждом абсурдном кусочке... А по дороге еще рассказали бы про каждое животное. Можно вообще поставить спектакль про медведя. Это невероятное животное, которое почему-то стало символом русской доброты. На самом деле это самое коварное, ужасное, загадочное животное из всех, что есть в мире. Кого выбрал русский народ в качестве своего символа?! Словом, много придуманных сцен не вошло в спектакль. Мы сделали потрясающую куклу – гимнаста... Была такая сцена: тренер готовил гимнаста к чемпионату и одновременно торговал игуаной за евро. Гимнасту обещал 25 тысяч, чтобы новые кольца купить. И все время путался: кому говорит про рубли, а кому – про евро? Короче, полный абсурд! Мне захотелось в этом спектакле раскинуть руки и почувствовать, что здесь или там, в космосе или под водой, происходит! И при этом во всем какая-то безысходность и лажа. Эти не знают, что происходит там, те, – что здесь... И все в результате разваливается.

После накопления материала обычно начинается этап отбора. Когда отрепетировали в три раза больше, чем нужно, действует довольно жесткий закон. И бьет по нервам всех участников, и моим тоже. Вырезаю, это болезненно и трудно, но необходимо. Потому что спектакль должен смотреться на одном дыхании. Напичкаешь туда больше, чем нужно, – и неизбежно момент турбулентности затянется. А человеческое сознание пугливое, как мышка, его нужно долго выманивать из норки. Чуть шум, нерасчет, такт лишней, буквально на полсекунды, – и мышка спрячется обратно. Во всяком случае, я этим болею. В спектакле еще остались такие места, хотя он идет всего-то полтора часа...

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ТЕАТР И АФРИКАНСКАЯ КАРМЕН

Британский режиссер Хиллари Вуд поставила в Тбилисском театре киноактера имени М.Туманишвили спектакль «Укрощение строптивой» Шекспира, поместив героев в современные

реалии. Получился искрометный, легкий и очень смешной спектакль о любви. Зрители посмотрели его на одном дыхании, получив заряд бодрости и хорошего настроения. Успех спектакля был во многом обеспечен участием в нем молодой актрисы Тамрико Бзиава в роли Катарины.

Приготовила зрителям подарок и сама Кети Долидзе, представив в рамках «Gift» спектакль «Трамвай «Желание» Т.Уильямса с блистательной Нинели Чанкветадзе в главной роли. Режиссеру удалось воссоздать сам дух эпохи, в которой живут герои знаменитого американского драматурга. Во многом этому способствует и музыкальное оформление спектакля – джазовая музыка в исполнении духовых инструментов. Мы словно попадаем в Новый Орлеан второй половины 40-х годов XX века, о котором Т.Уильямс писал: «Город был буквально наводнен музыкой». В спектакле точно воспроизведены и взаимоотношения людей американского Юга – грубоватые, жесткие, приземленные. Тем явнее и определеннее конфликт между мечтой и реальностью, отраженный в спектакле Кети Долидзе.

Последним аккордом фестиваля стала огненная «Кармен» в версии южноафриканских танцовщиков (хореограф и режиссер-постановщик – Дада Масило, она же исполнила заглавную партию) на музыку Жоржа Бизе, Родиона Щедрина и Арво Пярта. Известный сюжет получил новую трактовку: Хосе вовсе не убивает неверную возлюбленную Кармен, а подвергает ее насилию, за что его потом жестоко карают – смертью. В

«Трамвай «Желание»

хореографии вполне органично соединились элементы классики, современного танца, фламенко, европейская и южноафриканская танцевальная культура. «Кармен» – это секс, боль, страсть, смерть – то, из чего наш мир и состоит. В моей истории вы не найдете ни ложной стыдливости, ни сглаженных углов – я все показываю, как есть», – признается Дада Масило в одном из интервью.

На этом завершился фестиваль. Как не раз подчеркнула Кети Долидзе, главный ориентир «Gift» – это, прежде всего, молодые зрители. Они – впрочем, как и представители старшего поколения, – проявили немалый интерес к театральным новациям, уже знакомым и совсем новым именам. Все желают фестивалю процветания и ждут новых встреч.

ЧЕЛОВЕК НЕИССЯКАЕМОЙ ЭНЕРГИИ

■ Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Кети Долидзе знают в Грузии все – это знаковая фигура грузинской культуры. Ее вклад трудно переоценить в сфере театра, кинематографа и в популяризации грузинского искусства на международной арене. Эту миссию она эстафетой приняла от отца, известного кинорежиссера и сценариста Сико Долидзе, благодаря которому еще в младенчестве появилась на съемочной площадке и услышанная ею команда – «Мотор!» и звук «хлопушки», предопределили ее жизнь. Позже вместе с отцом Кети стала сценаристом и сорежиссером его фильмов, а потом и своих. Но главным для нее оставался театр. Один-единственный – Театр Киноактера им. М.Туманишвили при киностудии «Грузия-фильм», где она была одним из его создателей, актрисой, постановщиком и по сей день остается художественным руководителем.

Кети – человек неиссякаемой энергии, фанатичной преданности родному Театру киноактера, поразительной целеустремленности. А ее неординарные организаторские способности подарили Грузии Международный фестиваль искусств «Gift», который слывет с 1997 года одним из самых престижных театральных смотров на постсоветском пространстве. Она сумела привлечь к участию в фестивале таких именитых режиссеров, как Питер Брук, Кама Гинкас, Анатолий Васильев, Олег Табаков, Римас Туминас, Андрей Жолдак, Дмитрий Крымов и многих других. «Gift» и по сей день остается для тбилисцев окном в театральный мир.

– Наверное, призвание дается человеку свыше, от рождения. А корни таланта кроются в генетике. Кети, у вас были уникальные родители. Что для вас была ваша семья?

– Для меня семья – первоначальное. Все самое главное идет от моего отца и матери, которая, к сожалению, скончалась в 37 лет. Мне тогда было всего пять, но я ее хорошо помню и много знаю о ней по рассказам. Мама – фигура необычайно яркая, ее до сих пор вспоминают. Это – дочь своей эпохи. Она была передовой работницей на шелкоткацкой фабрике, активной, деятельной. При этом глубоко верующим человеком, хотя открыто демонстрировать это было невозможно. Она была избрана депутатом Верховного Совета СССР, и вскоре ее назначили заместителем министра легкой промышленности Грузинской ССР. Она подчинялась Косыгину, который был председателем Бюро по торговле и легкой промышленности при Совмине СССР, и в 1947 году, в тяжелое послевоенное время обратилась к нему с просьбой одеть тбилисское духовенство – независимо от конфессии. Так были одеты и обуты свя-

Творческая группа организаторов фестиваля «Gift»

щеннослужители русской, грузинской, армянских церквей, а также мечетей, синагог... Поэтому Католикос-Патриарх Каллистрат, который позже был причислен к лику святых, благословил маму. А когда она умерла, панихиду провели в Сионском соборе – небывалое по тем временам явление...

– Вероятно, по сути своей она тоже была человеком ищущим, неравнодушным, натурой творческой.

– Она была стопроцентной женщиной. Великолепно одевалась, учила подруг, что быть партийным человеком не значит, что надо одеваться, как мужик. У нас была большая квартира, и здесь всегда жили приезжие папины гости. Отец никого не отпускал в гостиницу, у нас тогда останавливались Герасимов, Макарова, Козинцев – калейдоскоп невероятных личностей. У нас пел Галич, жаль, что тогда не было возможности сделать запись, но все это осталось в памяти. Мне с братьями позволялось присутствовать при встречах взрослых, папа хотел, чтобы мы запомнили этих необыкновенных людей и особую атмосферу творческого общения.

– А каким было воспитание?

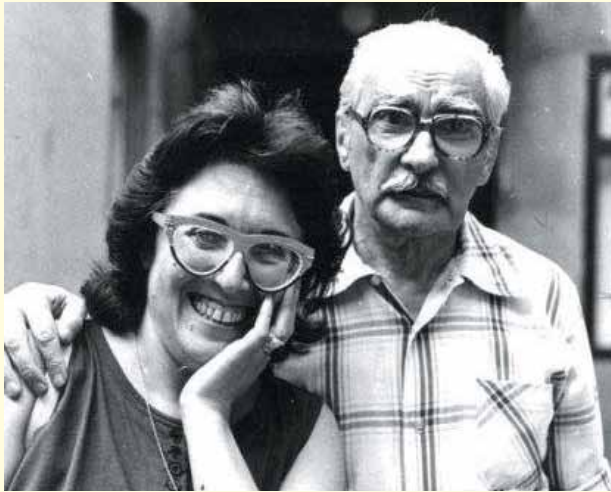
– Нас воспитывали довольно строго, хотя отец меня обожал, всегда держал мою детскую руку перед сном, пока я не повзрослела. Но тетки держали нас в ежовых рукавицах. Я не могла плохо учиться, должна была много заниматься, читать.

– Ваш отец – личность, вошедшая в историю грузинского кинематографа. И вы с детства были с ним на съемочной площадке.

– Отец впервые привез меня на съемки, когда мне был год, жаль, что эта пленка куда-то затерялась. Когда мне исполнилось 9 лет, я играла в малюсеньком эпизоде папиного фильма «Стрекоза». Затем последовала картина «Песнь Этери», где у меня уже была роль – маленькой Этери. Снималась рядом с Медеей Джапаридзе, Рамазом Чхиквадзе, Гоги Гегечкори, всех их обожала, это было что-то необыкновенное. А играла я внучку персонажа в исполнении Васо Годзиашвили.

– Профессия уже была предопределена?

– Сначала я хотела быть актрисой, режиссером и еще археологом. Потом археология, конечно, от-

Кети Долидзе и Михаил Туманишвили

ступила на второй план, а после 7 класса решила, что поступать буду в театральный. Только при этом была категорическая просьба отца, чтобы я сперва получила классическое образование. Поэтому окончив школу в 16 лет, поступила в Тбилисский университет и окончила английскую филологию. Думаю, отец этим сделал мне огромный подарок. Он с детства обязывал нас учить иностранный язык. Я хорошо выучила язык, а после университета уже им профессионально владела. Потом к английскому добавился польский язык, хотя я его не учила, сразу начала говорить по-польски. У меня есть какая-то реинкарнационная мысль, что когда-то, наверное, жила в Польше. Потому как, впервые побывав в этой стране в 1967 году, всего две недели, вдруг начала говорить по-польски. Поляки не верят, что я вообще не учила их язык.

– Семья, в принципе, – знак судьбы. Вы с доверием относитесь к этим знакам, слышите их?

– Наверное, все изначально было предопределено. После университета сразу же поступила в Театральный институт. А до этого в 16 лет начала работать – в Тбилиси был такой кинотеатр «Космос», на ВДНХ, в котором крутили трофейные американские и английские фильмы. Я поступила туда переводчиком с английского. Это – огромная практика, и тот хороший английский, на котором говорю, идет оттуда. К тому же я смотрела, как делается голливудское кино – самое лучшее, с великолепными актерами. После окончания университета полтора года работала у Резо Чхеидзе ассистентом режиссера на фильме «Ну и молодежь пошла». А потом уже поступила в Театральный – специально на курс к Михаилу Ивановичу Туманишвили.

– И проучилась у него всю жизнь?

– Михаил Иванович всегда оставался педагогом, и педагогом гениальным. В грузинском театре было много мастеров, выпускавших хорошие курсы, но такого, как Туманишвили, который создал систему и свою школу, не было.

– Будучи одаренным человеком, он говорил: «Ощущение своего мастерства – самое страшное. Если чувствую, что я – мастер, это крышка. Когда я ступаю в неизвестное – все оживает». Вы с этим согласны?

– Да, конечно, так оно и есть. Михаил Иванович поставил множество спектаклей, около 70, но

говорил, что подписывается под семью. Это была «Такая любовь» Павла Когоута, «Чинчрака», «Антигона», «Дон Жуан», «Сон в летнюю ночь», «Наш маленький городок». Туманишвили уникален тем, что каждые 10 лет начинал создавать новый театр. В 60 лет, уйдя из театра имени Руставели, создал качественно новый театр – с другим почерком, иными задачами – уже наш Театр Киноактера. В театре Руставели у него была «великолепная семерка» артистов – «швидкаца», потом она распалась, растворилась в блестящих спектаклях Роберта Стурау. Позже Туманишвили создал группу из своих студентов, которая и стала нашим театром.

– Я хорошо помню ваш первый спектакль «Именем Молодой гвардии». В начале 1976 года он был удостоен премии Комсомола Грузии, что по тем временам для молодежи было высшей наградой.

– Да, я играла там Ульяну Громову, а рядом Мурман Джинория, Заза Микашавидзе и весь наш курс. Но мало кто знает, как создавался спектакль. Мы делали его втайне от Михаила Ивановича с режиссером Наной Квасхадзе, которая была ассистенткой Туманишвили. Материал порекомендовала известный театровед, учившаяся на курсе Товстоногова, Натела Урушадзе – чтобы на нас обратили внимание вышестоящие партийные структуры. Мы удивились: «Фадеев? Сейчас? Какое время!?» – «А вы сделайте свою гвардию». И мы как-то иначе взглянули на текст, заинтересовались и обратились к театроведу и драматургу Мерабу Гегия, он подготовил нам свою версию по мотивам «Молодой гвардии». Летом, в каникулы, Квасхадзе предложила нам работать над спектаклем на ее даче. Закончился третий курс, мы собрали смешанный состав из двух групп учеников Михаила Ивановича, с которыми он хотел бы работать. И мы, 18 человек, поехали к Нани в Цагвери в старый загородный дом. Михаил Иванович ничего об этом не знал.

Вернувшись в сентябре, еще в течение трех месяцев репетировали в малом зале Дома кино – я попросила об этом отца, он тогда был председателем Союза кинематографистов Грузии. Тайком от Михаила Ивановича репетировали по ночам... А утром бежали на лекции в институт. Как мы это выдерживали?! В декабре, когда был готов набросок полностью собранной «Именем Молодой гвардии» (название спектакля Наны и наше), мы показали его Михаилу Ивановичу... в четыре часа утра. Там же были и Натела Урушадзе, и художник Гоги Месхишвили. А до этого я показала спектакль Сергею Герасимову и Тамаре Макаровой, гостивших тогда у нас. Герасимов расцеловал нас.

Михаил Иванович, посмотрев спектакль, немного... приревновал. Мы сказали ему, что специально для него готовили сюрприз, что мы без него жить не можем и просили доработать все это. Даже предложили сделать его дипломным спектаклем. И он перенес спектакль в институт, в нашу группу и довел постановку до совершенства. Увы, из тех 18 человек потом половина ушла, ушла и Нана Квасхадзе. К сожалению, ее имени на афише уже не оказалось, что для нас было очень обидно, потому что историю не надо забывать.

– Именно с дипломного спектакля «Именем Молодой гвардии» и началось восхождение к

своему театру-мастерской. Я часто бывала у вас на репетициях, Михаил Иванович начал их не с мизансцен спектакля, а с занятий, с техники речи, а потом шли психологические этюды, где фонтаном лилась импровизация – это было незабываемо...

– Михаил Иванович до последних дней сохранял этот театр как мастерскую, поэтому говорил, что каждый день надо начинать с тренингов. Хотя в последние годы, в начале 90-х, жаловался: «Я прихожу, жду, никто не идет». Потому как жизнь тогда была жуткая – ни газа, ни света. И в это страшное время он выпускает «Сон в летнюю ночь» – свой самый волшебный спектакль.

– Да, «Сон в летнюю ночь» действительно воспринимался как волшебство посреди той жизни начала 90-х. Помню, как в декабре 1991 года, в разгар выступлений против Гамсахурдия, а по сути, гражданской войны в Тбилиси, мы шли по темным безлюдным улицам в Театр Киноактера на эту премьеру. Транспорта нет, с проспекта Руставели гремят выстрелы. Особенно страшно было возвращаться после спектакля, около полуночи, а разойтись сразу по окончании спектакля никто не мог – на премьеру собрался весь театральный Тбилиси, и все делились впечатлениями... А они были незабываемыми.

– Мы много гастролировали за рубежом и с этим спектаклем, и с «Дон Жуаном». А тогда международная известность была только у Роберта Стуруа, ученика Михаила Ивановича, у которого педагогическое дарование была изначально. Таким даром обладал Товстоногов, сейчас он есть у Темура Чхеидзе. Очень хороший педагог Гоги Маргвелашвили, великолепный педагог Нана Квасхвадзе, неплохой педагог я, но, к сожалению, меня и Нану отстранили от преподавания в Театральном, потому что мы не захотели защищать диссертацию. А мы считаем, что диссертация – это наши спектакли. Оказывается, теперь все должны следовать болонской системе, европейскому принципу образования. Это произошло лет восемь назад, и от прежнего Тбилисского Театрального института,

куда приезжали учиться со всего Кавказа, ничего не осталось, даже названия.

– Гига Лордкипанидзе тогда тоже ушел из института, где вел режиссерский курс. Он говорил мне: «Чему я могу научиться режиссеров, если у них нет предмета «актерское мастерство»?!

– Что говорить, нет и кафедры речи, речь только два раза в неделю. В институте катастрофическое положение. На это – такое объяснение: «Мы перешли на европейскую систему». Зачем? Все звезды американские учились в студии у Ли Страсберга, который был учеником Михаила Чехова, а сам Чехов – учеником Станиславского. Лучшего в мире не придумали.

– Каков сегодня современный театр в Грузии и режиссура?

– Увы, я не видела что-то интересное за последние годы. Молодая режиссура ищет, но это вне школы, поэтому получается эксперимент ради эксперимента, особых творческих находок нет. К тому же преференции, к сожалению, идут в сторону денег, что очень мешает настоящему искусству.

– Кети, в творческом плане вы на редкость разносторонний человек. Вы были еще автором сценариев фильмов совместно с отцом. А потом уже и своих.

– Все сценарии к своим фильмам писала я. А обозначение, что совместно с папой, это просто фиктивно. Отец мне давал абсолютный картбланш, особенно на «Кукараче», ведь папа тогда, к сожалению, уже не мог бывать

на съемках, он заболел. А имя его стоит в титрах, как уважение моему отцу. Увидел папа уже законченную картину. Он и Нодар Думбадзе смотрели собранный материал, уже готовый, и тогда папа повернулся к Михаилу Ивановичу и сказал: «Спасибо большое, что вы так дочь воспитали». И они приняли фильм, Думбадзе потом говорил, что вот это настоящий Нодар Думбадзе. И я очень этим горжусь.

– «Мне повезло с учителем», – говорил Михаил Иванович о Товстоногове. То же самое с полной уверенностью можете сказать и вы. Но кроме театрального профессионализма, у вас неординарные организационные способности. И начали вы с организации зарубежных гастролей Театра Киноактера.

– Наш театр, конечно, вывозила я. В одной из своих записей Михаил Иванович отмечает, что Кети – наш Шеварднадзе, который в то время был министром иностранных дел. Все гастроли и мировые турне Театра Киноактера организовывала только я.

– Я хорошо помню, какие окрыленные вы все приезжали после гастролей, сколько показывали фотографий – ведь за «железный занавес» в ту пору выбраться было не так-то легко.

– Ну, выбирались благодаря московским чиновникам. Весь доход забирала Москва. Я никогда не забуду, как 40 дней мы ежедневно играли спектакли в четырех странах Латинской Америки, и за все это время нам дали всего 300 долларов. А мы собирали двухтысячные залы, но все уходило

Михаил Туманишвили с участниками спектакля «Именем Молодой гвардии»

Кети Долидзе с семьей

ло в Москву.

– **Понятно, ведь жили в СССР. Так как вы были «министром иностранных дел» в своем театре, то потом стали и руководителем театра.**

– Назначили меня в 2009 году. Я вообще никогда этого не хотела, мы все, ученики Туманишвили, по 4-5 лет были худруками, как бы отдавая дань этому театру. Сперва был Нугзар Багратиони, потом Гоги Маргвелашвили, а потом пришла я на эту должность. Это очень сложно, я не могу себя чувствовать как худрук в других театрах, потому что все мы выросли вместе, притерлись друг к другу. Это абсолютно специфический театр, актерский, поэтому после Михаила Ивановича здесь очень сложно звонить в свои колокола. Все время надо оборачиваться на актера. Нас осталось 7 человек, которые основали театр. Потом уже пришло поколение Нинели Чанкветадзе, Русудан Болквадзе. Но сейчас пришло поколение, которое не знало Михаила Ивановича.

– **А при Саакашвили начались преследования деятелей культуры. Вам тоже крепко досталось от той власти. Международный фестиваль искусств «Gift», пользовавшийся огромным успехом, был закрыт. Лишь через 5 лет, когда у власти оказалась «Грузинская мечта», «Gift» был возрожден.**

– И я безмерно благодарна Бидзине Иванишвили, который вернул мне этот фестиваль.

– **Какие-то перестройки в творческой жизни приходится делать в угоду времени?**

– Сегодня первое требование большинства зарубежных фестивалей, чтобы спектакль шел 90 минут и был без антракта. Я сейчас сделала нечто поразительное

– перевела все спектакли на 90 минут. Это обязательное требование времени и зрителя. Сегодняшний зритель три акта смотреть не будет. Хотя мой спектакль «Королевская семья» смотрят. Эта пьеса очень известных американских драматургов 20-х годов Джорджа Кауфмана и Эдни Фербер. Очень контроверсивная, она до сих пор является хитом американского театра и посвящена легендарной семье Бэрриморов – знаменитых кино- и театральных актеров. Эта семья – инспирация. Пьесу мне подарила в Москве еще в 70-х годах моя названная крестная мать Любовь Большинцова. Пьеса потом была переведена с английского для Верико и Софики. Но Верико не захотела это играть. Это гимн театру, очень смешная комедия, в конце с грустинкой. Я думаю, это один из самых удачных моих спектаклей.

– **Вы, как «министр иностранных дел» театра хорошо знали зарубежную драматургию и имели к ней доступ. Но надо отдать вам должное, не меньше интересовались и современными грузинскими авторами. Например, пьесы Петра Хотяновского и Инги Гаручава были поставлены вами в театрах Тбилиси и Москвы, они шли на русском языке и на грузинском.**

– Да, я очень любила с ними работать. И поставила три их пьесы: «Прощеное воскресенье» в Тбилисском театре им. К.Марджанишвили, «Доброе утро, 100 долларов!» в Театре на Атонели и «Андерграунд» – в нашем Театре киноактера. Все они шли на грузинском языке. «Андерграунд» ставила и в Москве – на русском языке в Театре музыки и драмы Стаса Намина, где он сам писал музыку специально для этого спектакля. «Доброе утро, 100 долларов!» вывозили во Францию, играли в Париже на Монмартре, он был показан также на Эдинбургском фестивале, куда я приглашен и спектакль «Прощеное воскресенье» – моноспектакль с Гурандой Габуния. Его мы привозили также в Москву, где он шел на русском языке в театре им. Ермоловой.

– **Говорят, на показе в Ермоловском театре собрался весь театральный бомонд. Зрители были поражены и драматурги-**

ей, и режиссурой, и исполнением. А Виктор Мережко – известный сценарист и кинорежиссер после просмотра удивил всех словами: «Давно я не плакал на спектакле». Кети, как вас на все хватает? Вашей энергии можно позавидовать.

– Это генетическое, так было у моего отца и всех членов моей семьи.

– **Наверное, еще и интересно всему подталкивает вас?**

– Я возраста не чувствую, ощущения те же, которые у меня были в 30-35, и все мои пристрастия остались такими же. Единственное, к чему я не могу привыкнуть, это то, что в Москве уже нет моих старших друзей. Это поколение, которое взрастило меня, та же Любовь Большинцова, подруга моего отца, была Женя Морозова, великолепный литератор, она переводила на русский язык все мои фильмы, Регина Нугина – мой редактор на Мосфильме. Это огромные потери для меня.

– **Вы сказали, что все пристрастия остались такими же. Каковы эти пристрастия?**

– Пристрастия к экспериментальным работам. И к тому, чтобы привозить в Грузию побольше хороших, интересных людей.

– **А семья? Ведь и дети пошли по вашим стопам, они – продолжатели традиции династии?**

– Да, продолжатели. Сын Торнике Бзиава – кинорежиссер и актер, его фильмы были много раз награждены на престижных фестивалях Европы и Азии. Дочь Тамри Бзиава – актриса театра Туманишвили. У меня есть одна хорошая интересная задумка – сделать киносериал. Но это возможно, если мы договоримся с телекомпанией «Имеди» и найдем хорошего спонсора. Мы можем сделать очень интересный сериал, в котором будут заняты все лучшие актеры и режиссеры Грузии разных поколений. Тему не буду называть – украдут. Такое уже было. Лет пять назад попросили меня выслать готовые задумки, и потом я узнала, что это все разбросано по разным сериалам. Меня просто тогда обворовали. Так что планы лучше не разглашать. По возможности их надо реализовывать.

ЧАЦКИЙ В ТИФЛИСЕ

Из истории Тифлисского русского театра XIX века

■ Анна ФАЛИПЕЕВА

Окончание

В 1868 году в Тифлис приехал некий Н.В. Орлов, который, как нам удалось установить, был известным провинциальным режиссером того времени. Судя по циклу его статей в «Кавказе» под названием «Тифлиссский театр», по первому впечатлению приезжего», он хорошо разобрался в вопросах театра и особенностях актерского искусства. Начинает он свои заметки с описания чудесного здания театра: «Коридоры не широки, но устроены удобно. Зала с таким вкусом отделана, что воображение нового посетителя уносит его далеко в область сказочного мира. Все здесь поражает зрение. Подобную театральную залу едва ли можно где увидеть в Европе. Оркестр составлен с полным

знанием дела и дирижируется капельмейстером, как видно, недюжинным артистом».

Затем взор автора приковывает сцена, на которой разворачивается действие комедии «Горе от ума». В спектакле, который смотрел Н.Орлов, был занят очень сильный состав: Чацкий – Аграмов, Фамусов – Яблочкин, Молчалин – Музиль, Репетилов – Соколов. «Первая и вторая сцены шли как-то спешно: Чацкий, г. Аграмов, еще не войдя в роль, говорил с торопливостью и заметно затруднялся, как нужно держать себя в объяснениях с Софьей (г-жа Снеткова), которая от начала до конца держалась в какой-то драматической позе, несвойственной ее роли. В ее игре не видно было безде-

лицы – души и жизни. Зато Лиза была необыкновенно типична. Но актриса была слишком молода для смысленности Лизы, этого произведения Кузнецкого моста. Скалозуб, г. Аркадьев, был бы хороший Скалозуб, если б дело не доходило до танцев. Здесь он без зазрения совести пустился в балаганные фарсы» (1868, №3).

Орлов продолжает: «Фамусов (А.Яблочкин) мог бы играть эту роль и в столице. Правда, его скорая походка, быстрые движения не в характере Фамусова. Но в местах патетических он выдержал роль как большой артист. С 3-го действия г. Аграмов, входя более и более в пассию, держался ровно и с достоинством, в последней сцене с Софьей он был очень хорош. Здесь блеснул его

Театр Артистического общества. Ныне театр имени Ш.Руставели

талант искрой огня, который при его старании дает надежды, что в лице г. Аграмова со временем может выработаться настоящий Чацкий».

Рецензент не ошибся – Михаил Васильевич Аграмов стал интересным актером. Особенность его дарования заключалась в поразительной реалистичности игры, в том, что он умел в ролях трагического репертуара высветить близкое и понятное каждому зрителю. Лучшие свои роли – Гамлета, Арбенина и Франца Моора он играл «обыкновенными смертными» (История русского драматического театра. т. 4, Москва, Искусство, 1979).

В рецензии Орлова даны сведения и о том, что в 60-е годы девятнадцатого века в Тифлисе работал такой выдающийся актер, как Н.И. Музиль, ставший впоследствии одним из великих деятелей Малого театра. Критик отзывался о нем так: «Молчалин, г. Музиль, был довольно приличен в своей роли. Нам кажется, он был бы даже удовлетворительнее, если б был подвижен в мимике». Орлов заключает рецензию такими словами: «Пьеса более или менее выдержана удовлетворительно и дает право новому в Тифлисе человеку думать, что труппа составлена удачно и управляется хорошим режиссером. Конечно,

в губернских городах такого театра, как в Тифлисе, нет, кроме разве Саратовского, поражающего, впрочем, своей величиной и только».

В 1872 году было решено отдать театр на содержание частной антрепризе (до этого здание ассигновалось правительством) (ЦГИА, ф. 5, оп. 1, д. 2432, д. 2500, д. 2536). Однако контракт с А.А. Яблочкиным был продлен (ЦГИА, ф. 5, оп. 1, д. 2940). Пьеса Грибоедова по-прежнему ставилась добротнo, но несколько водевильно. Особенно в этом отношении «старался» Соколов, исполнявший роль Репетилова.

Рецензент К. К. Г., опубликовавший свои «Театральные заметки» в газете «Кавказ» (1873, №70-74) особо отмечает игру Нильского в роли Чацкого и даже посвящает ей несколько номеров. Исходное положение критика – утверждение, что Чацкий очень умен: «Да, такие, как он, погибают, но его едкий смех страшен в этом болоте «общественной глупости». Особо импонирует критику в исполнении Нильского простота и безыскусственность тона. Но зато он жестоко высмеивает актера там, где он впадает в тон водевильного любовника или придает себе вид «важного человека». В целом Нильский провел роль верно, сыграв Чацкого как ум-

ного и глубоко чувствующего человека.

В начале 1874 года в Тифлисе нашумело дело Брянского и Яблочкина. Актер обвинял режиссера и антрепренера труппы в невыплате ему суммы, означенной в договоре («Дрозба», 1874, №445). Но дело само собой замялось, так как 11 октября этого же года Тифлисский театр сгорел со всеми помещениями, и представления в нем прекратились.

Вскоре был объявлен конкурс на лучшее здание театра. Победу одержал проект академика Шретера. Однако постройка нового здания затянулась, поскольку государственный совет сократил сумму расходов на театр. Как сообщают архивные материалы, в 1887 году Петр Ильич Чайковский подал прошение о скорейшем открытии кредита на окончание постройки театрального здания в Тифлисе (ЦГИА, ф. 5, оп. 8, д. 326, ф. 416, оп. 3, д. 595). Но в этот год строительство не сошло с мертвой точки.

Между тем дочь Станислава Осиповича и Вассы Петровны Маркс и ее муж Питоев создают любительский театр. Обратимся к ее воспоминаниям: «В этом театре, вмещающем 300 человек, мы возобновили «Горе от ума». Понемножку наш кружок превратился в Тифлисское артистическое общество» (Грибоедов. Горе от ума. Вступление И.К. Ениколопова. Тбилиси, 1946).

3 мая 1877 года начала свои представления новая труппа под руководством Сергея Пальма, сына известного драматурга и петрашевца А.Пальма, чьи пьесы, поставленные в Тифлисском театре, пользовались неизменным успехом у публики и в интеллигентных кругах столицы Грузии. А.Пальм участвовал в работе театра наравне с сыном-антрепренером. В театральную деятельность были вовлечены и жена драматурга, и второй сын (выступал под фамилией Арбенин) (Сквозь столетия. Сост. В.С. Шадури. Тбилиси, Мерани, 1983). Начался период расцвета Тифлисского театра.

Уже в 60-е годы в провинциальных театрах наметился кризис театра старого типа – антрепренерского. Новая труппа Тифлисского театра состояла из группы молодых актеров, которая была организована на основаниях свободного и равноправного товарищества. Начинание А.И. Пальма поддерживали передовые общественные деятели Грузии, в частности, Акакий Церетели.

Однако постановка пьесы Грибоедова не удалась и в этот раз. Спектакль «Горе от ума» с участием С.Пальма (Фамусов), Шумилина (Чацкий), Погодиной-Долинской (Софья), Юшковой (Лиза), Соколова и Арбенина был оценен газетой «Тифлиссский вестник» как средний (1877, №114).

Критик «Кавказа», подписавшийся «Дилетант», отнесся к спектаклю более мягко и все обвинения в недостатках отнес за счет самой пьесы, которая, по его мнению, «прелестна в основном только в чтении. Но исполнители почти управились. Роль Чацкого надо читать внятно, а не так торопливо, как читал ее г. Шумилин (хотя в последнем монологе он был хорош). В роли Фамусова г. Пальм был слишком не-барин. Ему не доставало ни голоса, ни фигуры. Как неожиданный сюрприз, предстала пред нами роль Молчалина в исполнении г. Леонова, все в ней было чистенько, гладенько, точно с иголочки, стишки были прочитаны внятно, с некоторым чувством и апломбом. Немножко побольше подобострастия перед Фамусовым, немножко побольше игривости с женщинами – и роль будет ничего себе...» (1877, №105).

В 1878 году роль Чацкого исполнил Стрельский. Рецензент «Тифлиссского вестника» по имени Экс справедливо писал: «Чацкий – человек, а не ходульный герой, каким его сделало большинство русских актеров. Стрельский не отделился от этого большинства» (1878, №277).

Намного больше удалась театру следующая постановка

пьесы в 1879 году, когда роль Чацкого вновь сыграл Шумилин и на этот раз довольно удачно. В основе его концепции образа Чацкого лежала убежденность в его необыкновенной наивности и человеческой незащищенности при всем уме и понимании ситуации. Эта трактовка вполне удовлетворила строгого критика Экс.

Сергей Пальм был щедрым и бескорыстным человеком и не скупился на средства. В итоге его чрезмерная доброта привела к краху театра, а его самого – чуть ли не в долговую яму. Но он оставил о себе самую добрую память. Вот отзыв о его деятельности в «Кавказе»: «Он повел дело на широкую ногу, в первый же сезон составив прекрасную, большую и дорогую русскую драматическую труппу. На второй сезон доходы Пальма начали с каждой неделей уменьшаться. Молодой антрепренер потерпел убытки, но не убоился таковых, а решился еще более расширить свое предприятия» (1882, №219). Однако, воспользовавшись его доверчивостью и добросердечием все, начиная «с первого портного и кончая последним ламповщиком», стали обворовывать его.

К сожалению, товарищество актеров – новый тип организации театра – не нашел поддержки ни со стороны массового зрителя, от которого зависели сборы труппы, ни со стороны некоторых актеров, которые опасались остаться без средств к существованию. Вскоре театр прекратил свое существование.

В 1877 году, в год создания товарищества, на страницах тифлиских газет разгорелась полемика вокруг вопроса о новом типе театральной организации. В газете «Тифлиссский вестник» была опубликована статья Экса о неблагоприятных действиях комика Л.Соколова, который вносил раздор в товарищество. Сам же Соколов ответил на эти обвинения в газете «Кавказ».

Чтобы глубже понять, кто прав, а кто виноват, необходимо коснуться истории. Газета

«Кавказ», основанная в 1846 году, являлась официальным органом. А «Тифлиссский вестник» имел в числе своих авторов таких прогрессивных общественных деятелей, как А. и Г. Церетели, Д.Эристави, Н.Николадзе. Это была первая демократическая русская газета в Грузии. Неудивительно, что Л.Соколов, требовавший баснословные гонорары, чем нанес своим товарищам непоправимый урон, избрал своей трибуной именно «Кавказ».

Громадное значение в споре двух газет имела проблема постановки классики. Автор под псевдонимом Экс справедливо утверждает, что пьесы, подобные «Горю от ума» и «Свадьбе Кречинского», лучше не ставить вовсе, чем ставить так, как это делает труппа Пальма, и советует играть те пьесы, которые актерам «по плечу». В отличие от него, Л.Соколов («Кавказ», 1877, №139) все время подчеркивает количество сыгранных классических пьес, не акцентируя внимания на качестве исполнения.

Выяснить истину было бы невозможно, если бы не был найден еще один документ – письмо общины русских драматических артистов, обращенное к читателям «Тифлиссского вестника» (1877, №154). На основе этого письма выясняется, что Соколов не принимал условия товарищества и «ничего нового учить не желал и предлагал к постановке разную дребедень». Основным мотивом спора было сребролюбие Соколова, в чем Экс его упрекает.

Как нам удалось выяснить на основе изучения статей газеты «Кавказ», под псевдонимом Экс выступал будущий антрепренер Тифлисского театра И.Е. Питоев. Он первым ввел утренние спектакли для учащихся, которым предлагали смотреть такие классические произведения, как «Недоросль», «Ревизор», «Власть тьмы». Питоев был известен как меценат. Он был дружен с М.Г. Савиной. По его приглашению на гастроли в Тифлис приезжа-

Александр Яблочкин

ли крупнейшие актеры конца девятнадцатого века. Он выпускал юмористический журнал «Фаланга», издание которого было прекращено по настоянию цензуры (ЦГИА, ф. 5, оп. 1, д. 6606), являлся одним из основателей Артистического общества, в здании которого сейчас находится театр имени Шота Руставели, а также – мужем известной актрисы Маркс и отцом Ж.Питоева, который стал впоследствии выдающимся французским актером.

В 1878 году происходит размолвка между труппой Пальма и Питоевым, который, несмотря на симпатии к товариществу, осуждает С.Пальма за то, что он не подписал договор с талантливой актрисой Немировой-Ральф. Критик с сожалением отмечал, что интересы искусства в этот раз оказались для Пальма на втором месте («Тифлисский вестник», 1878, №286-288). В спор даже вмешался А.Церетели, поддержавший позицию своего сотрудника Питоева. Нельзя также не отметить, что пример русских актеров вдохновил грузинских актеров на создание товарищества.

В 80-х годах девятнадцатого века пришло время для появления комедии Грибоедова и на грузинской сцене. К тому периоду уже существовал перевод Григория Цинамдзгвришвили, высоко ценившего произведение русского драматурга. Полагают, что перевод был сделан по заданию деятелей грузинского театра, возглавляемого известным комедиографом Георгием Давидовичем Эристави, который даже сам пытался переводить комедию. Впервые на сцене грузинского профессионального театра пьеса была поставлена в 1884 году в городе Кутаиси.

В Тифлисе произведение Грибоедова впервые прозвучало на грузинском в январе 1887 года.

Газеты «Иверия» (№13) и «Кавказ» (№12) восторженно отзывались об этом спектакле. Чацкого превосходно сыграл К.Месхи. «Сафарова-Абашидзе в роли Лизы и Абашидзе в роли Фамусова, – по словам «Кавказа», – вполне художественно воспроизвели изображаемые ими типы. Недурен был Скалозуб (Цагарели). Алексеев-Месхиев в роли Молчалина был бесподобен». В феврале того же года пьеса была показана в бенефис талантливого артиста Васо Абашидзе. Начиная с 1881 года «Горе от ума» ставилось в Тбилиси и на армянском языке (в переводе П.Тер-Аствацатуряна (Там, где вьется Алазань. Сост. В.С. Шадури. Тбилиси, 1977).

Что же привлекало деятелей искусства и актеров в произведении Грибоедова? В этой гениальной пьесе запечатлен неумирающий конфликт – столкновение ума и посредственности, чувства и равнодушия, горения и мелочных интересов. Трагедия Чацкого далеко не только в любовном фиаско, а прежде всего – в невозможности изменить мир, в котором господствуют мещанство и рутина. Талантливый и умный человек, он потрясен своим бессилием доказать фамусовской Москве свою единственную правду.

Со временем конфликт, запечатленный в комедии, становился все более актуальным и для деятелей Тифлисского театра. Ни в коем случае не сравнивая Питоева с Фамусовым или Пальма с Чацким, нельзя не увидеть некоторые аналогии с пьесой Грибоедова. Представьте: полные сил и надежд актеры, окончившие Императорские театральные училища, видевшие в Москве и Петербурге лучшие образцы сценического искусства, приезжают в Тифлис. И все их иллюзии рушатся – вместо ценителей «высокого искусства» они встречаются с невежественной в основной своей массе публикой.

Понимаешь, как трудно было этим людям, когда вчитываешься в прессу – единственное живое, горячее свидетельство, запечатлевшее их победы и промахи. В каждой рецензии – описание неприличного поведения зрителей, выкриков, эпатажа и других не очень красивых эпизодов. Нужно было немалое мужество, чтобы в такой обстановке сохранить дарование, продолжать нести знамя высокого искусства. Каждый актер был в то время своеобразным Чацким, ведущим борьбу одного со множеством, искусства с развлекательностью, актерской гордости с толпой, алчущей удовольствий.

В то время у нас было еще мало истинных ценителей театра, да и сам тип театральной организации оставлял желать лучшего. Это подтверждают следующие строки из «Истории русского драматического театра»: «Легкомысленное восприятие театра с особой победоносностью вспыхнуло в самом конце 70-х годов, сразу после жестокого кризиса, охватившего все без исключения театры провинции в период Забалканской войны. Особенно выразительны свидетельства, относящиеся к Тифлису этих лет, слывшему «городом театральным», но «довольно неразборчивым» (том 5, Москва, Ис-

куство, 1980).

В 1884 году антрепренером Тифлисского театра, пережившего экономический провал товарищества, стал И.Е. Питоев (ЦГИА, ф. 12, оп. 8, д. 69). Ф.Б. Бурдин писал М.Г. Савиной в то время: «В Тифлисе труппа так хороша и так хороша обстановка, что в провинции едва ли найдется что-нибудь подобное» (ЦГИА, ф. 689, оп. 1, д. 118, д. 357).

В 1885 году в постановке «Горя от ума» в Тифлисе на русской сцене появился, по признанию критики, «лучший Чацкий»: «Ленский-Петров (не следует путать с А.П. Ленским – А.Ф.) провел роль обдуманно, приложил много старания, читал прекрасно, с душой. В его игре чувствуется личность, талантливый человек» (1885, №2). Постановка этого года была особенно удачной. Все «провели роли с большим комизмом и удачно выдержали типы». Актеры пытались избежать карикатурности в изображении персонажей, и это им удалось.

В тот же сезон прекрасно исполнил главную роль актер Николин, который в предыдущем спектакле играл Фамусова. Его Чацкий предстал прежде всего влюбленным юношей, который оказывается обманутым и отвергнутым любимой девушкой. Однако «в игре даровитого артиста более прекрасной читки и строгой обдуманности, чем неподдельного чувства» («Кавказ», 1885, №31).

В 1885 и 1889 годах А.В. Ленский, гастролируя в столице Грузии, тоже играет Чацкого. Критик «Нового обозрения», в целом недовольный постановкой, писал, что актер в главной роли бесподобен и «такого Чацкого вряд ли кому случалось видеть».

В 1886 году в Тифлисском русском театре вновь меняется хозяин антрепризы. Им становится В.Форкатти – известный провинциальный антрепренер (ЦГИА, ф. 12, оп. 8, д. 255), деятельность которого нанесла театру экономический урон. В этот период «Кавказ» отмечает, что обстановка и костюмы в спектакле не имели себе равных. Но само исполнение было значительно слабее питоевского.

В 1891 году в газете «Кавказ» публикуется письмо актеров русской труппы с осуждением неблагоприятных поступков Форкатти, который не пожелал выплачивать им жалования (1891, №72). Сообщения о бедственном положении Тифлисской труппы появляются в это время даже в столичной прессе в газете «Артист». Однако в 1892 году контракт с Форкатти возобновляется. Антрепренер сразу же, во избежание недовольства зрителей, приглашает на гастроли великую П.Стрепетову.

В 1894 году младший сын А.Пальма Григорий подает прошение с просьбой доверить ему антрепризу (ЦГИА, ф. 12, оп. 8, д. 2911). Но дирекцию Тифлисского театра больше устраивал В.Форкатти, при котором театр приносил большие доходы в основном благодаря приезду именитых гастролеров.

В 1894 году новая постановка комедии Грибоедова была воспринята исполнителями не как жанровое произведение, а в основном с точки зрения сюжета пьесы. На первый план выходил

Семья Питоевых

любвный треугольник. Исполнитель роли Чацкого Радин-Инсаров показывал Чацкого доверчивым идеалистом, вначале жизнерадостным, а затем – разочарованным человеком. По характеру своего дарования актер был романтиком, поэтому ему особенно удавались лирические места роли («Кавказ», 1894, №194).

В 1896 году в роли Чацкого на сцену вышел Самойлов-Мичурин. При первом же его появлении всем казалось, что это не взрывной, темпераментный и желчный Чацкий, а всем угождающий Молчалин, настолько он был «приятен всем и каждому» («Кавказ», 1896, №135). Но позже зрители поняли, что он был предельно естествен и искренен. Он глубоко трогал сердца.

В конце девятнадцатого века было решено выстроить еще одно здание театра (ныне – театр имени Шота Руставели). Руководство по постройке было поручено Питоеву. При открытии этого театра в феврале 1901 года вновь давали «Горе от ума». В этом спектакле в последний раз выступила г-жа Маркс – дочь Вассы Петровны и Станислава Осиповича и жена Питоева, после чего сошла со сцены.

Так с именем Маркс, связанным с первой и последней постановкой грибоедовской комедии в Тифлисе, заканчивается история постановок «Горя от ума» в девятнадцатом веке. Заканчивается, чтобы открыть новые страницы, вписанные двадцатым веком, когда на сцене русского театра и Артистического общества в Тифлисе расцветал и обретал силу одухотворенный талант В.Ф. Комиссаржевской, осуществлял свои смелые фантазии В.Э. Мейерхольд, который тоже поставил «Горе от ума», но уже в своем оригинальном прочтении.

Наверное, совершенно нет случайности в том, что не только судьба самого Александра Грибоедова, но и история постановок его гениальной пьесы тесно связана с Грузией и вписана в историю русского драматического театра в Тифлисе...

Сцены из спектакля «Вишневый сад»

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

■ Жанна ГРЕЧУХА

– Предательница, – тихо сказала я, не оборачиваясь.

Молодая очаровательная дама, сопровождавшая меня в Театр имени Котэ Марджанишвили, вздохнула.

– Как вы догадались?

– Вы же не можете переступить через порог.

– Мама и тетя на коленях стояли, умоляли, чтобы «я не пошла в актрисы».

– И вы не пошли.

– А вы?

– А я стала журналистом. И тема командировки у меня «Интервью с Главным режиссером».

(Воспоминание из детства.

Маленькая девочка, стриженная, в очках, бежит к входной двери. На пороге ослепительно красивая дама, в черном плаще и в черной шляпе с низкими полями.

– Тетя, вы – Фея?

– Нет.

– А кто же вы?

– Я – актриса.

Девочка восторженно:

– Я тоже хочу быть актрисой!

Дама внимательно посмотрела и тихо, но очень строго сказала:

– Упаси тебя, Бог.

И перекрестила меня.

Через много лет я спросила у своей мамы, кто была эта женщина. «Алиса Коонен. Она навещала свою подругу Луизу Гансовну, они учились в одной гимназии. Почему ты вдруг о ней вспомни-

ла? Но это была моя тайна.)

Память своевольно отбирает воспоминания.

В кабинете Главного режиссера я неожиданно восклицаю:

– Как я могла уйти со сцены, я же так любила Театр!

– Вы не любили Театр, если бы вы его любили, он бы вас не отпустил.

(Молодая актриса перед своим дебютом спросила Марию Ермолову, что самое главное в актерской профессии. Та ответила: «Лучше уйти на год раньше, чем на день позже».)

ИНТЕРВЬЮ

Гуранда Габуня. Она напомнила мне Анну Маньяни.

«Героев своих надо любить. Если этого не будет, не советую никому братья за перо: вы получите крупнейшую неприятность, так и знайте.»

(Михаил Булгаков. «Театральный роман»)

Я любила ее, как любят дети, тайно, восхищенно и навсегда.

Конечно, возвращаться к Героине через восемь лет, в совершенно другой Тбилиси, чтобы увидеть ее в роли Раневской, в театре имени Грибоедова, играющей на русском языке, ее, так мучительно пережившую уход Отара Мегвинету-хуцеси, но по-прежнему не потерявшую кураж и обаяние и то самое «чуть-чуть», что отличает талантливых актеров от просто хороших. Она не изменилась.

– В профессии актера хочется сделать лучше.

Меня всегда завораживало волшебство зарубежных актрис – Вивьен Ли, Анна Маньяни, Симона Синьоре, Одри Хэпберн, Мэрил Стрип.

Мы с Отаром смотрели все фильмы. И всегда были в курсе мирового кинематографа. Обсуждали, переживали. Наслаждались. И Чарли Чаплиным. И Полом Скофилдом. И Марлоном Брандо! Всегда, как подарок судьбы. Я все фильмы помню наизусть. Как стихи. Я кончала русскую школу. И всегда была лидером. И в проказах тоже. Мне хотелось быть балериной. Кто-то из ансамбля Моисеева сказал моему папе: «Вот эту девочку мы бы взяли с собой». Но папа был папа! Он в то время ставил «Отелло». И почему-то мне открыл свое видение спектакля: «Он, Отелло, должен быть намного старше, а она, Дездемона, намного младше. Как ты». Думаю, он видел во мне актрису.

Кто-то из моих однокурсников как-то заметил вскользь:

«Ты должна была сделать больше, но ты прожила в тени своего великого мужа».

Кстати, Отару всегда нравилось то, что я делала в спектаклях.

Но у меня есть две любимые роли. 14 минут я была на сцене. Гастроли в Японии. 24 дня. «Самоубийство влюбленных на острове небесных сетей». В этом спектакле я играю мать жены главного героя. И вторая роль – Вальки-Бомжихи. («Неоконченный сон» по повести Венечки Ерофеева «Москва-Петушки»).

В день спектакля я стараюсь быть одна. 5-10 минут стою в кулисах.

– Как вы решились играть Раневскую? Она же порочна.

– А может твое «хорошее я» поможет этому персонажу?

– Как вы готовитесь к возрастным ролям?

Очень спокойно:

– Я себя к этому не готовлю. Я счастлива, играя Раневскую, впереди гастроли. И потом Ку-таиси. Там мы играем спектакль

«Вспоминая Отара Мегвинетухуцеси». Знаете, Отар всю жизнь переживал, что не выучил английский язык. Он был Актер мирового уровня.

Вообще, мне с ними, актерами Театра Грибоедова, очень вальяжно, комфортно, радостно. «Я иду на бой. Воевать иду».

Я мечтаю еще с ними работать. И с художником Леваном Цуладзе и с режиссером Андро Енукидзе. И всем, кто стоит рядом со мной на сцене – благодарность и низкий поклон.

Я по-человечески безумно благодарна директору театра имени Грибоедова Николаю Свентицкому за этот спектакль.

Моя мечта сбылась. Я играю Чехова.

И очень тихо, только мне:

– Вам понравился спектакль «Вишневый сад»?

– Мне все ваши спектакли не просто нравятся, они поставлены для меня. И мне совсем не мешает, что я видела и другие чеховские пьесы. И даже знаю, что Лопахина он, Чехов, писал для Станиславского, потому что Лопахин – автобиографичен. И когда Станиславский спрашивал: «Как ему играть Гаева?», коротко ответил: «Там все написано».

А по стенам были развешаны фотографии. Из фильмов и спектаклей. «Боже мой! – подумала я, – какая прекрасная, благодатная тема будущей книги ждет молодого грузинского журналиста!»

Какой простор для фантазии, какой материал для размышлений о Театре, о призвании, о верности своим идеалам. О той Искре Божьей, которую хранил в душе своей, «как зеницу ока». Не сомневаюсь, это будет прекрасная книга. И эпиграфом будет замечание Немировича-Данченко: «Расстели коврик и играй!»

После спектакля Гуранда со вздохом сказала: «У актеров нет машин».

«А зачем им машины? У них есть крылья!»

Грибоедовцы на гастролях в Барнауле

«СПЕКТАКЛЬ СТАЛ НАСТОЯЩИМ ОТКРОВЕНИЕМ!»

■ Соб. корр

Сразу после юбилейных торжеств Тбилисский государственный русский театр имени А.С. Грибоедова отправился в уникальное турне по городам Сибири: гастроли прошли в Томске, Кемерово, Барнауле, Новосибирске и Омске. Этими триумфальными гастролями, на которых грибоедовцы показали получивший международное признание спектакль «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Л.Толстого, завершился юбилейный марафон театра.

— Я очень рад, что у нас была возможность увидеть настоящую Россию, настоящих сибиряков. Спектакли принимали замечательно. Мы были в пяти городах, сыграли восемь спектаклей. Все прошло с аншлагом. И после окончания спектаклей нам очень долго аплодировали стоя, то есть принимали достойно, — рассказал художественный руководитель театра Авто Варсимашвили.

— Мы благодарны Федеральному центру по поддержке гастрольной деятельности при Министерстве культуры Российской Федерации, который организовал эти гастроли, — подчеркнул директор театра Николай Свентицкий. — Центр полностью профинансировал эти гастроли, так что наш театр и наша страна не потратили на это ни единого лари, все на гастролях работало как швейцарские часы — слаженно, четко. Эта поездка по Сибири была сложной — все-таки особый климат, но мы этого не

почувствовали, потому что в основе организации гастрольного тура лежало отношение к человеку, забота об актере. Было предусмотрено все. Созданы самые комфортные условия для проживания и питания, для выступления на сценических площадках. Хочу также отметить роль моих коллег в организации гастролей — я имею в виду директоров замечательных сибирских театров. При первом же нашем появлении они сказали нам: «Вы у себя дома!» Вот так мы и чувствовали себя — не в гостях, а дома. Для нас было сделано все, что нужно, и много больше. Так что каждая сценическая площадка встретила нас в полной боевой готовности. Была подготовлена часть реквизита и часть декорации — то, что нам сложно и дорого было привезти из Тбилиси. Везде были переполненные залы, чем мы очень гордимся. И если подводить итог, то это были гастроли феноменальные по своим эмоциям и, самое главное, по результатам. Мы понравились! В адрес театра имени Грибоедова звучали эпитеты «знаменитый», «великий», «прекрасный». Наш продукт — спектакль «Холстомер. История лошади», который мы показали сибирякам, имел огромный успех. И мы надеемся на продолжение диалога и сотрудничества с замечательной командой Федерального центра по поддержке гастрольной деятельности, возглавляемой Антоном Прохоровым, по другим проектам уже на следующий год, чему мы будем очень рады.

– Сибирь встретила нас двадцатиградусным морозом, – рассказал актер Валерий Харютченко. – Но за двухнедельное пребывание там мы не замерзли, потому что были согреты теплом и вниманием сибиряков. Ритм наших гастролей был очень напряженным, тем не менее все прошло на удивление легко. Все были рады нам. Говорили, как они любят Грузию. В одной из гостиниц у стойки администратора девушка, возвращая мне паспорт, с улыбкой сказала: «Спасибо, что вы приехали!» – «Вы видели наш спектакль?» – поинтересовался я. «К сожалению, нет, работа! Но я от многих слышала о вашем замечательном «Холстомере». И вообще, с вашим приездом даже в нашей гостинице стало как-то светлее. Вы очень доброжелательные и интеллигентные люди!». А самое главное, что во всех пяти городах зрители буквально не отпускали со сцены. В Новосибирске после спектакля актеры знаменитого театра «Красный факел», поздравляя нас, отметили, что у них очень чуткий зритель, но чтобы после спектакля стоя аплодировал весь зал, такого они не помнят. Так что гастрольная поездка по городам Сибири была действительно очень впечатляющей и запомнится навсегда.

Заместитель Губернатора Алтайского края Даниил Бессарабов и Николай Свентицкий

Не скупилась на добрые слова и пресса. Приведем выдержку из отклика томского журналиста Татьяны Весниной «У каждого свой крест»:

«Не узнал. Как больно!», – проговорил надтреснутым, постаревшим, смирившимся голосом Холстомер – Валерий Харютченко. И сколько же горечи от неистраченной, не подаренной любви было в том стоне-вздохе! Это были последние слова пегого мерина. Потом его поставили на колени. Взмах ножом. И нет больше Холстомера!

В отличие от толстовского Холстомера меня переполняла радость от узнавания и познания, и знакомства с Тбилисским государственным академическим русским драматическим театром им. А.С. Грибоедова. Хотя спектакль, поставленный Автандилом Варсимашвили по его же инсценировке повести Льва Толстого и показанный на сцене Томского ТЮЗа во время гастролей Тбилисско-

«За успешные гастроли!»

го театра, видела впервые. Но узнавание было, и оно особого рода. Узнавание почерка режиссера, общей культуры грузинского театра. Впервые спектакли этого театра увидела десять лет назад, на фестивале «Встречи в России». Узнавание толстовских тем и мотивов. Было узнавание и того легендарного спектакля БДТ с Евгением Лебедевым в главной роли. Ведь театр и посвятил своего «Холстомера» памяти Георгия Товстоногова и Евгения Лебедева. И это посвящение читается в скрытых цитатах, собственно даже в самом смелом решении – взять и поставить спектакль по тому же материалу. И вышел другой спектакль. С другими смысловыми акцентами. С иным художественным решением.

Из сине-сиреновой дымки вытекают деревянные скульптуры, напоминающие одновременно остовы деревьев или старых идолов (сценография Мириана Швелидзе, народного художника Грузии). Крестообразные лучи света выхватывают из пространства фрагмент загородки в стойле, напоминающий крест. Тот, на котором распинали Христа. Стоя под этим «крестом», старый мерин Холстомер – Валерий Харютченко начнет рассказывать о себе, о своем сегодняшнем существовании и вспоминать прошлое. Так с первых минут возникает тема крестного пути.

Эта мгновенная ассоциация-догадка, родившаяся из игры света и теней, поддержанная музыкой, в дальнейшем найдет свое подтверждение в спектакле. У этого «креста» молодые и сильные лошади фактически будут распинать Холстомера за то, что он урод, пегий, старый, больной. За то, что он ДРУГОЙ, ЧУЖОЙ. И вместе с темой искупления возникнет тема изгоя и жертвы.

Сцена, когда Холстомер взваливает на плечи корыто и идет к месту, где кормят табун, продолжает мысль о крестном пути, о том, что у каждого свой крест. Холстомеру хочется сена, но оно достается молодым, а ему – насмешки и пинки. Но он с благородством принимает и эти испытания. Даже в самом униженном положении Холстомер

На пресс-конференции в Омске

Перед спектаклем

не забывает, кто он, от кого родился. Именно в это мгновение старческий, стершийся, бессильный голос мерина вдруг обретает силу, новые краски, красивый молодой тембр. Увы, презрение других быстро гасит этот порыв – быть свободным и счастливым. В конце спектакля у этого «креста» Холстомер сам расскажет о собственной кончине и о том, как его телом будут питаться другие. И вновь возникнет параллель с Евангелием.

Этому крестному пути Холстомера, пути, полному страданий и утрат, тяжелой работы и разочарований, но на котором герой познал, что такое любовь, дружба, преданность, ласка, забота, – противостоит ярмарка тщеславия, где жизнь воспринимается как череда побед, выигранных, удовольствий и радостей. Воплощенная метафора этой веселой круговерти пред зрителем возникает тоже в начале спектакля. Как только Холстомер начинает вспоминать подробности своей прошлой жизни, на поворотном круге среди идиологов-столбов появляются герои спектакля: господа и дамы, цыганский табор, конюхи и лошади... Контраст судьбы героя и «ярмарки тщеславия», кроме визуального ряда, подчеркивает музыка. Надо заметить, композитор Заза Коринтели (Зумба) сочинил не просто музыкальную партитуру спектакля, где акцентируются те или иные события,

перипетии судеб, он создал совершенно самостоятельное сочинение, полное драматического лиризма.

Однако тема крестного пути и его выбора дана не только в сценических метафорах, не только в музыкальном ряде. Прежде всего, она воплощена в принципиальном режиссерском решении – показать три возраста Холстомера. В такой встрече старого и больного Холстомера с самим собой в детстве и молодости и заключается философская глубина спектакля, и параллели с евангельским текстом. В этом же утроении скрыта и внутренняя красота спектакля.

Три ипостаси – три возраста героя. Детство и юность, молодость/зрелость, старость. Сначала старый Холстомер встречается лицом к лицу с самим собой молодым. Потом старый и молодой Холстомеры – с Холстомером в расцвете сил. Эти три ипостаси героя нужны не только потому, что первую любовь искренне и достоверно могут сыграть только молодые актеры. Но и по другой причине: режиссер дает возможность и герою, и зрителю взглянуть на любовную историю Холстомера и Вязопурихи как на путь познания красоты мира и отношений (так и хочется написать «человеческих отношений»). Какая невообразимо красивая сцена, когда стоят вместе четыре актера: обнявшись Холстомер – Гургенидзе и

Вязопуриха – Ломджария, а по бокам, обнимая их, каждый со своей стороны, – Холстомер – Харютченко и Вязопуриха – Артемова-Мгебришвили. Красота до слез!

Работает двойная зрительская оптика: ту давнюю историю мы видим одновременно глазами старого Холстомера – Харютченко и старой кобылы Вязопурихи – Людмилы Артемовой-Мгебришвили, которые как будто бы видят себя молодых глазами молодых актеров Лаши Гургенидзе и Софии Ломджария. Лаша Гургенидзе пластикой и фактурой (худые и длинные ноги) действительно напоминает угловатого, но грациозного жеребенка. Все в нем – искренность и порыв. София играет застенчивость и грацию. Они, безусловно, идеальная пара. И это понимает уже постаревшая Вязопуриха. Но она смотрит на то, как ведет себя Вязопуриха – София Ломджария по отношению к Милому – Василий Габашвили, и осознает, что она предала свою любовь, допустив до себя Милого. Именно такие неоднозначные оценки и отношения делают историю одной лошади объемной, выводят ее на уровень философских обобщений. Человек – тоже животное. Но какое? За историей мерина прослеживается драма, и драма отчетливо человеческая – драма свободной и красивой личности, которую сломали, из жеребца сделали

Сибирь «на ура» принимала «Холстомера»!

меринном, «чтобы породу не портил», то есть принесли в жертву в угоду норме, стандарту». Успешным было выступление и в Кемерово, где произошло еще одно приятное событие: губернатор Кемеровской области Аман Тулеев наградил Автандила Варсимашвили и Николая Свентицкого медалями «За веру и добро» – «за особые заслуги в области культуры и личный вклад в развитие театрального искусства, сохранение и приумножение традиций русского театра, укрепление межнациональных связей России и Грузии, уникальный талант и трудолюбие, щедрость души и любовь к жизни». А пресса («Вести-Кузбасс», А.Торопов, С.Шилов) отметила:

«В Кемерово, в рамках уникального турне, выступила труппа из Грузии. Актеры легендарного Тбилисского государственного академического русского драматического театра представили постановку по произведению Льва Толстого «Холстомер». На сцене звучит чистая русская речь без акцента. Несмотря на достаточно юный возраст большинства грузинских актеров. За 170 лет существования самого старого русского театра на постсоветском пространстве это первый приезд труппы из Тбилиси не только в Кузбасс, но и в Сибирь. В зале аншлаг, билеты раскуплены задолго до начала спектакля. Кузбасс в большом турне по Сибири выбран труппой неслучайно. Грузинская

постановка «Холстомера» по произведению самого русского писателя Льва Толстого в 2013 году удостоена Гран-при XI Международного театрального форума «Золотой Витязь». Современное прочтение повести затрагивает одну из актуальных проблем сегодняшнего дня. Существование в обществе потребителей и тех, кто живет ради созидания. Рассказ о короткой, но такой яркой и нужной жизни пегой лошади держал зрителей в напряжении почти два часа. Язык искусства сблизил и породнил людей в зале и на сцене. И лучше всех слов были в финале десятиминутные овации тех, кто слушал, и тем, кого услышали».

В Барнауле грибоедовцы выступали на сцене Алтайского краевого театра драмы им. В.М. Шукшина и получили в подарок девятитомное собрание сочинений выдающегося писателя, кинорежиссера и актера – кстати, его произведения шли на грибоедовской сцене в 70-е годы прошлого века. А сейчас молодой режиссер театра Грибоедова Вахтанг Николава собирается ставить рассказы Шукшина.

«Спектакль, показанный грибоедовцами на сцене Краевого театра драмы, стал настоящим откровением, – написала корреспондент газеты «Вечерний Барнаул» Наталья Катренко. – Он не только о тяжелой доле старого мерина, но и о мудрости, которую тот обрел, пройдя через мучительные страдания, о смерти,

которой еще никому не удалось избежать, а также о любви и благородстве. О величии материала, за который взялся режиссер Автандил Варсимашвили, свидетельствует тот факт, что сам Лев Толстой работал над повестью более двадцати лет. Режиссер довольно аккуратно превратил это произведение в спектакль, интересный зрителям самых разных возрастов... За время спектакля перед зрителями пронеслась непростая судьба Холстомера, крутые повороты которой незлобиво комментировал уже все это переживший Холстомер-старик. Вообще после просмотра этого спектакля в очередной раз убеждаешься в актерской природе грузинской нации. Каждый из актеров продемонстрировал яркий темперамент и небывалую энергетику».

И в завершение слово – зрителю, Кристине Звездиной, поделившейся своим впечатлением на страницах Facebook:

«...Есть те, которых забудут, как только их тело, ходившее по свету мертвым... евшее, пившее, уберут в землю... А есть и другие, чья жизнь была отдана труду и преданности, те, кто даже после смерти продолжают служить добру, участвуя в вечном круговороте жизни... За эмоции спасибо Тбилисскому государственному академическому русскому драматическому театру им. А.С. Грибоедова...»

Дом Тамамшевых. Улица Дадяни, 15

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

Да, сегодня уже не тронешь рукой эти согретые солнцем стены, ажур балконов на них, плоские кровли над ними. Время унесло их в прошлое. И все-таки прикоснуться к ним можно. Взглядом. Они живут на полотнах художника, который зимуя в столице Грузии полтора века назад, успел написать примерно за три месяца аж пятнадцать картин о различных уголках Кавказа. И две из них – о Тифлисе. Тот удивительный город застыл под его кистью в яркости прозрачного воздуха и в романтической дымке, в суеете многолюдной улицы и в прохладе знаменитых Ортачальских садов... Сейчас узнаваемы лишь крепость Нарикала и Метехский храм, остальное – уже история. Запечатленная Иваном Айвазовским (Ованесом Гайвазяном) в подарок всем, кто любит Тбилиси.

Это было единственное появление знаменитого художника в Тифлисе, в 1868-м. А между тем на грузинскую землю его нога ступила еще за тридцать лет до этого приезда, можно сказать, экспромтом, по воле высокопоставленного военного. Двадцатидвухлетнего студента Петербургской академии художеств Ивана Айвазовского за выдающиеся успехи в живописи в 1838 году командируют на два года в Крым. А там его навещает лично начальник отряда Кавказской береговой линии генерал-майор Николай Раевский. Тот самый легендарный сын героя Отечественной войны 1812 года, генерала от кавалерии Николая Раевского-старшего. Одиннадцатилетним мальчишкой он шел с отцом в атаку под Бородино, затем сражался под Вязьмой и Лейпцигом, а в тринадцать лет получил орден Владимира 4-й

Последняя фотография Ивана Айвазовского

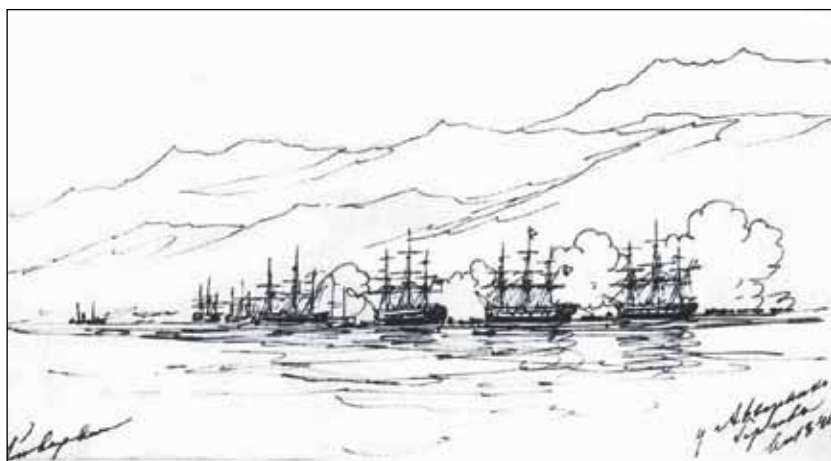

Десант Н.Н. Раевского у Субаши. 1839

степени с бантом – за взятие Парижа!

Знаменитый генерал делает предложение, от которого влюбленному в море молодому художнику невозможно отказаться. Раевский едет руководить высадкой десанта на Кавказе и приглашает Айвазовского, о котором слышал от моряков как о «морском волчонке», отправиться с ним. Но Айвазовский должен вернуться в Петербург в строго установленный срок, и поэтому на имя президента Академии художеств уходит прошение о продлении командировки и разрешении участвовать в действиях военной эскадры. Обоснование для «отправления в поход аргонавтов» такое:

«Генерал Раевский, начальник прибрежной кавказской линии, проезжая через Феодосию к своей должности для совершения военных подвигов при занятии мест на восточных берегах Менгрелии, был у меня в мастерской и настоятельно убеждал меня поехать с ним, дабы обозреть красоты природы малоизвестных восточных берегов Черного моря и присутствовать при высадке на оные войск, назначенных к боевому занятию означенных береговых мест». Дальше приводятся «желание видеть морское сражение при такой роскошной природе и

У абхазских берегов. 1840

мысль, что изображение на полотне военных подвигов наших героев будет угодно его императорскому величеству».

В стране, которой правит Николай I, все подчиняется железной, поистине военной дисциплине, и разрешение Айвазовский получает лишь после того, как его прошение проходит на самый верх по цепочке: президент Академии художеств – военный министр – министр Двора – император. К тому же царь повелевает выдать «академианту» тысячу рублей ассигнациями. В морском походе к грузинским берегам Айвазовский делает зарисовки с натуры, знакомится с замечательными людьми. Среди них – легендарные флотоводцы: адмирал Михаил Лазарев

и молодые тогда еще офицеры Павел Нахимов, Владимир Корнилов и Владимир Истомин. А вдобавок, «негр, окрашенный белой краской» – Лев Пушкин, душа любой компании. С ним нельзя говорить лишь на одну тему – об обстоятельствах гибели его брата Александра: выпив, штабс-капитан Отдельного кавказского корпуса порывается отправиться во Францию и стреляться там с Дантесом.

Именно он приводит художника в офицерскую палатку после того, как тот с альбомом, карандашом и пистолетом участвует в высадке десанта в долине Субаши близ нынешнего Сочи и под огнем выносит из боя раненого мичмана Николай Фредерикса, будущего флигель-

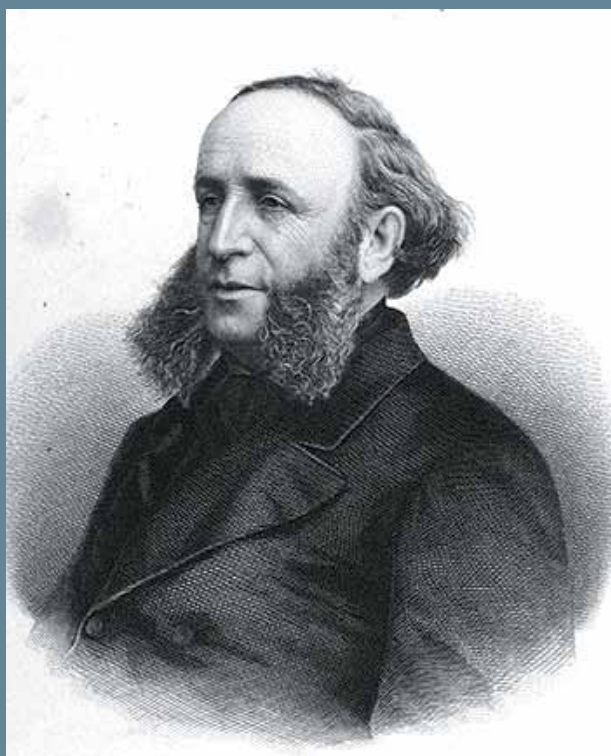

«Взятие русскими матросами турецкой кочермы и освобождение пленных кавказских женщин». 1880

адъютанта. В палатке как равные ведут себя с офицерами несколько солдат, которые оказываются разжалованными и сосланными на Кавказ декабристами Александром Одоевским, Михаилом Нарышкиным, Николаем Лорером. Скорее всего, именно из-за встречи с ними Иван и оказывается на абхазском берегу. Общение неискушенного художника с государственными преступниками можно поставить в вину пригласившему его Раевскому. И, стремясь поскорее отослать впечатлительного юношу, но, не желая обидеть его, генерал отправляет Айвазовского писать пейзажи с суши. А для этого — пройти по береговой линии до Крыма. Так художник попадает на берег Абхазии.

Целый месяц длится это путешествие в сопровождении подполковника, этнографа Соломона Званба и охраны из матросов. Делается множество эскизов и зарисовок. А на десятый день пути — событие в духе приключенческих романов. В окрестностях Пицунды, в бушующем море, Айвазовский видит в подзорную трубу, как патрулирующий прибрежье русский корабль гонится за небольшим суденышком. Когда буря заканчивается, к берегу подплывает шлюпка, из которой все тот же мичман Фредерик с матросами выводят двух закутанных в покрывала и платки девушек. Оказывается, черкесы похитили их из абхазской деревни и везли в Турцию. Художник и Званба берутся вернуть их домой... Пройдет сорок лет, и Айвазовский посвятит этому эпизоду картину с подробным названием «Взятие русскими матросами турецкой кочермы и освобождение пленных кавказских женщин».

А увиденное сражение он спешит запечатлеть на картине «Десант Н.Н. Раевского в Субаши», заказанной самим императором — первый в жизни Айвазовского заказ такого уровня! Через полвека он вновь возвращается к этой теме, и появляется «Десант отряда в долине Субаши», правда, с измененной композицией. Да и вообще, юношеские впечатления о берегах Грузии не покидают его до самой старости, в 1899-м, когда остается всего лишь год жизни, создается пейзаж «Кавказские горы с моря». А тогда, будучи еще студентом, он едва успевает вернуться в родную Феодосию, как Раевский вновь вызывает его — генерал восхищен

Иван Айвазовский. 1860-е гг.

талантом молодого человека и хочет, чтобы тот запечатлел уже и второй, и третий десанты. Айвазовский даже пишет: «Второй вояж с Н.Н. Раевским к Абхазским берегам помешал докончить все картины, которые я назначил было к выставке, и потому, возвратившись со второго десанта, — я занялся окончанием картин».

Вот так берега Мегрелии и Абхазии подарили будущему великому маринисту и боевое крещение, и первые картины о флоте, и темы для работ на много лет вперед. Да еще и сыграли немаловажную роль в том, что в 1839-м он с успехом окончил Академию художеств. Которая не только, «в силу своего устава, властью, от монарха ей данною, возвела Ивана Гайвазовского в звание художника 14 класса», но и наградила его шпагой! Правда, заочно, но это не удивительно — Иван Константинович редко засиживался на одном месте. Он утверждал: чтобы не «закостенеть» в живописи, нужны новые впечатления. И вполне закономерно, что в 1853 году он избирается действительным членом Русского географического общества, постоянно подтверждая с тех пор это звание все новыми и новыми полотнами, имеющими не только художественную, но и познавательную ценность.

Именно эта страсть к путешествиям и приводит его в Тифлис. Осенью 1868 года Айвазовский выезжает из Феодосии на Кавказ. За те без малого тридцать лет, что прошли после его высадки на грузинский берег с отрядами генерала Раевского, он уже поработал в Италии, Швейцарии, Голландии, Англии, Франции, Португалии, Испании, Турции, Греции, Малой Азии. У него звания живописца Главного морского штаба, профессора Петербургской академии художеств; членство в академиях Рима, Парижа, Флоренции, Амстердама и Штутгарта, европейские выставки, многочисленные награды. Места, в которых он побывал на этот раз,

Вид на Тифлис. 1869

Иван Константинович перечисляет в таком порядке: «Владикавказ, Северный Дагестан, Чечня, Каранайские высоты, Гуниб, Дарьял, Шура, Сухуми и др. живописные места Кавказа».

И вот в ноябре Айвазовский появляется в Тифлисе. Там о его кавказском турне уже знают и, конечно же, ждут с нетерпением. Принимает его один из лучших домов города – на Вельяминовской (ныне – Дадиани) улице, номер пятнадцать. Он принадлежит знаменитому предпринимателю и меценату Михаилу Тамамшеву. К услугам долгожданного гостя – просторные помещения, которых хватает и для жилья, и для обустройства мастерской. Она необходима – Иван Константинович не может не работать, он начинает писать столь поразившие его виды Кавказа. Причем делает это по памяти, что отнюдь не свойственно другим классикам русской реалистической живописи. Их метод – длительная работа над эскизами, сбор этюдных материалов, а потом, годами, создание завершающего полотна. Именно так работают Илья Репин и Исаак Левитан, Василий Суриков и Михаил Нестеров, Иван Шишкин и Василий Поленов, многие другие знаменитости XIX века. Но, в большинстве случаев, это не для Айвазовского. Он полагается не только на зарисовки, но и на свою поистине фотографическую память и пишет очень быстро, иногда создавая картину за день-два.

Легко работается ему и в Тифлисе. Многие художники превращают свои студии в «святыню», никому не позволяя наблюдать за процессом творчества, но Айвазовский – не из таких. По натуре он очень общителен, сразу приобретает в Тифлисе массу знакомых, а те не преминут появиться у него в мастерской. Ничего не поделаешь – тут и простодушие, и чисто кавказская убежденность, что дом знакомого должен всегда быть открыт для тебя, и общее для всех широт стремление увидеть воочию повседневную жизнь знаменитости. Ивану

Константиновичу гости не мешают, хотя то и дело сотрясают воздух восторженными возгласами – по мере того, как на холсте возникают горы и ущелья, реки и водопады.

Впрочем, это и неплохой, как сказали бы сегодня, «пиар»: по городу начинают ходить слухи о том, с какой невиданной скоростью работает приезжий художник. Их повторяют и в светских гостиных, и в учебных аудиториях, и в чиновничьих кабинетах, и в духанах, и на базарах. Ну, а кто в городе быстрее всех впитывает и распространяет любой слух? Сегодня – таксисты, а в то время – их коллеги, извозчики. Они организуют постоянную стоянку поближе к дому звездного клиента, и когда Айвазовский выходит из подъезда, к нему, наперегонки и с особой лихостью, устремляются сразу несколько экипажей. Счастливчик, которому удастся усадить к себе знаменитость, становится героем дня и потом по несколько раз рассказывает внимательным слушателям (а их – не один десяток!) о том, куда ездил гость и о чем говорил во время поездки.

В конце концов, по Тифлису разносится главная весть: Айвазовский закончил работу и покажет все написанное на специально организуемой выставке. Тут нелишне заметить, что в таких «вернисажах на местах» – еще одно отличие этого художника от многих собратьев по кисти. За свою жизнь он провел более 120 персональных выставок, причем не только в европейских и обеих российских столицах, но и в губернских городах, в провинции. Доходы от этого, довольно необычного для того времени явления, были немалые, но значительную их часть Иван Константинович отдавал, как говорится, на добрые дела. В том, где организовать тифлисскую выставку, сомнений не было – конечно же, в одном из залов караван-сарая, принадлежавшего родственнику гостеприимного Тамамшева и размещившегося на центральной площади города, совсем недалеко от Вельяминовской.

П-т Габриэла Айвазовского. 1883

Практически полгорода приходит туда, чтобы увидеть красоты Тифлиса, «Цепи Кавказских гор», «Дорогу от Млета до Гудаура», «Дарьяльское ущелье», «Аул Гуниб в Дагестане» и другие картины, родившиеся в тифлисскую зиму под впечатлением поездки по Кавказу. От продажи билетов выручено несколько тысяч рублей (сумма по тем временам огромная!), и художник объявляет, что передает все деньги сиротскому приюту. В городе поднимается волна восторга, незнакомые Айвазовскому люди в пояс кланяются ему на улицах, снимают шляпы, дарят цветы. Закрытие выставки решено провести с особой торжественностью и совместить с чествованием гостя по высшему тифлисскому разряду. Из тысяч желающих в празднично украшенный зал попадают лишь две сотни самых именитых горожан – больше помещение просто не вмещает. Танцы, песни, музыка перемежаются с приветственными речами и даже стихами, а когда начинается застолье с вином особой выдержки, по знаку распорядителя вечера парами, в белых одеждах, появляются воспитанники приюта. В торжественной тишине попечитель приюта достает из ларца оправленный в золоченное серебро рог тура и, наполнив его вином, произносит речь. Все встают, голос попечителя дрожит от волнения:

«Наш дорогой знаменитый гость и друг Иван Константинович! Город Тифлис польщен и горд тем, что вы в нем задержались дольше, чем в других местах во время вашего Кавказского путешествия. Мы благодарим вас за честь, оказанную нам и за то, что ваша гениальная кисть так блистательно запечатлела любимую нами природу Кавказа и вид нашего родного города Тифлиса. Ваш щедрый дар в пользу городского детского приюта мы никогда не забудем... Примите же, наш дорогой гость и великий художник, от жителей города Тифлиса этот турий рог. Пусть

он будет эмблемой, символом изобилия вашего несравненного художественного гения!».

В общем, все проходит в лучших тифлиских традициях: звучат здравицы, герой торжества принимает дар, звенят чаши и бокалы, да еще ребята из приюта осыпают Айвазовского цветами. А потом настает его черед подавать знак организаторам праздника, и в зал вносится картина с видом Петербурга. «Самадлобело» – ответная речь гостя кратка, но искренна: «Я глубоко тронут гостеприимством славного города Тифлиса и всеми знаками радушия и внимания, которые вижу здесь беспрестанно. Пусть же этот вид Петербурга будет моим скромным даром гостеприимному, чистосердечному Тифлису!»

Из Тифлиса художник собирается отправиться в Армению – оттуда он получил письмо с благословением от Католикоса Геворка IV и сообщил ему: «Хотя давно я должен был приехать в незабвенную родную землю, дабы вновь возлюбить при виде ее, снискать любовь и благословение Вашего святейшества, однако жестокие зимние метели держат меня в Тифлисе. Но по наступлении весны, в апреле, с благословения Вашего святейшества, я непременно исполню обет, данный мною с давних пор». Выполнить это обещание не удается – в феврале 1869-го поступает спешный вызов из Петербурга, и приходится покинуть Закавказье.

Художник уезжает, допустив лишь одну фактическую ошибку, которую, впрочем, заметят лишь коренные тбилисцы: одна из его картин названа «Вид Тифлиса от Сейд-Абаза». На самом деле – от Сеидабада, с того места, где сейчас район Ортачала, а тогда были сады, в которых пировали и куда обязательно привозили гостей. То, что Айвазовский запомнил, как выглядит город именно оттуда, свидетельствует: и для него там накрыли стол, хотя к возлияниям он был равнодушен. Но нет сомнения, что там за него было

Мики Иверия

Вид Тифлиса от Сейд-Абада. 1868

выпито немало тостов.

На берега Куры он больше не возвращается, но сына феодосийского купца Константина (Геворка) Айвазовского все же можно встретить в Тифлисе в конце 1870-х. Это младший брат художника, бывший глава Грузино-имеретинской армянской епархии и член Эчмиадзинского синода Гавриил (в миру Габриэл), ученый, писатель, историк, педагог, крупный духовный и общественный деятель. Куда только не забрасывала его судьба! Еще мальчиком, в Венеции, он стал католиком, получил там сан священника и выучил двенадцать языков, в Париже был инспектором армянского училища. Отрекшись от католичества, управлял Нахичеванско-бесарабской епархией Армянской Апостольской Церкви, организовал в родной Феодосии училище с типографией, печатавшей помимо учебников исторические источники, в Эчмиадзине возглавлял Духовную академию. Его переводы басен Крылова на армянский считаются наиболее близкими к оригиналу. Знаменитый маринист часто приезжал к брату, когда тот жил на острове Святого Лазаря (Сан-Ладзаро-дельи-Армени) в Венецианской лагуне – одном из основных мировых центров армянской культуры. И каждый раз останавливался в комнате великого Джорджа Байрона, приезжавшего туда для изучения армянского языка. Именно по настоянию старшего брата Габриэл отказывается от католичества.

В 1879 году он складывает с себя все должности и переезжает в Тифлис, живет аскетом, читая проповеди в главной армянской церкви

города Сурб-Геворк, и занимается литературой. Умер он скоропостижно, оставив массу научных трудов, и был похоронен в церкви Сурб-Саркис. Она стояла в районе серных бань на улице, которая тогда так и называлась – Сурб-Саркисская, а теперь носит имя Иосифа Гришашвили. Могилы этого замечательного человека нет – церковь уничтожена большевиками. А о том, как ценили этого просветителя в Европе можно судить хотя бы одному факту. Когда стало известно о смерти мариниста, французские газеты писали, что в Феодосии умер брат Габриэла Айвазовского...

И еще одна ниточка, связывающая Ивана Айвазовского с Грузией. В знаменитом мюзикле «Скрипач на крыше» роль Бесс исполняет Мики Иверия, хорошо известная британскому зрителю по драмам, триллерам и сериалам. Это не кто иная, как правнучка художника, Гаянэ Микеладзе. Ее родители – внучка Айвазовского Софья (от старшей дочери Елены) и имеретинский князь Иверико Микеладзе. Семилетнюю Гаянэ увезли в Европу после октябрьского переворота, она взяла для театральной сцены псевдоним, напоминающий о ее грузинском происхождении, под ним снималась и в кино, сыграв свою последнюю роль в семьдесят пять лет.

Ну, а в Тбилиси до сих пор живет легенда: после того, как Айвазовский пожертвовал сиротскому приюту сбор от своей выставки, молодежь, в первую очередь, студенческая, подарила ему «миллион алых роз». А точнее, скупила все цветы на всех тифлисских базарах. А может, это и не легенда...

БОРИС ДАВИДОВ

Борис Давыдов родился в 1947 году в Белоруссии. Детство прошло на Камчатке. Лет в пятнадцать Борис с семьей переехал в Ленинград. Писал стихи, прозу. С 1972 г. занимался в ЛИТО «Выборгская сторона» Глеба Семенова. Был членом Клуба молодых литераторов при Ленинградском отделении Союза писателей. С 1980г. занялся публицистикой. С 1981 г. по 1989 г. напечатал 4 крупных очерка в различных сборниках ленинградских издательств. 1985-1990 гг. – учеба в Литературном институте им. А.М. Горького. С 1989 г. по 2012 г. работал в журнале «Нева», сначала старшим редактором отдела публицистики, а затем зав. отделом публицистики. С 2000г. – бессменный руководитель ЛИТО «Меридиан» в г. Гатчина Ленинградской области. Умер в декабре 2012 года.

ХИНКАЛИ

В черепичном Тбилиси
ноябрь, как июль,
То же знойное марево –
смерч духоты,
Так же руки, как плети,
а тело, как куль,
И не спрячет ничто –
ни дома, ни кусты.

Северянин, о, как
нам такое стерпеть!
Пот съедает глаза.
И плывут, как во сне,
Купол Светицховели,
слепая мечеть,
И седая Кура,
и Вахтанг на коне.

Но в тбилисской хинкальной –
там воздух иной:
Горячее стократ,
сумасшедше пахуч –
Эти запахи перца
и туши мясной
Пропитал огнедышаций
солнечный луч.

Пахнет солнце аджикой,
а сыр – чесноком,
Пахну уксусом я,
пахнешь соусом ты,
Пахнут люди вокруг
виноградным вином,
Пахнет дым табаком...

Никакой духоты!

1974

ОДЕССА

Вот город, который был мне нарисован когда-то
Неведомо кем и зачем. Не отмеченный датой,
Он жил во мне, словно красивый,
крикливый ребенок.
Вот город, который был вместе и раем, и адом,
Где все вперемешку, да так, что ни слухом,
ни взглядом
Его не охватишь – так воздух и дух его легок.
Его создавали французы на поприще русском
И плавные руки гречанок на пиршестве грустном,
И запахи рыбы, и запахи женского пота,
И – плачет еврей, и молдавская буйствует скрипка,
И море – шаланда, чей трюм контрабандой усыпан,
И всюду – вино и вино, и – то слезы, то хохот...

О, вина Одессы! О, винные эти каморки!..
Грудастые, злые, крикливые тетки-торговки.
Галантный биндюжник блестит
позолоченной фиксой,
Как видно, не в фарте, бормочет:
«Погублена Троя...»,
А вон – держиморда, смесь перца
с «Массандрой», настроен
На пятый стакан и нацелен торговку потискать.

И вдруг, ни с того, ни с сего, то ли спор,
то ли ссора,
И кто-то ввернет анекдот, наплевав на крамолу,
И кто-то ему под вино поднесет карамельку,
И кто-то закурит, и рявкнет горластая баба...
И вот уж каморка в дыму, освещенная слабо,
Куда-то плывет и плывет, и плывет помаленьку.

1976

ПЕРЕЕЗЖАЕМ!

Мы переезжаем! Мы переезжаем!..
Мы, как под копирку, себя изживаем.
Углы Соляного, Садовой, Разъезжей
Нам снятся все реже и реже, и реже.
Сначала – грустим, а потом – забываем...
Мы переезжаем!

Меняем районы, подъезды, квартиры!
Меняем диваны, кастрюли, сортиры,
Меняем друзей на старых знакомых,
А старых знакомых меняем на новых...
И порознь, и оптом! И к новому пиру
Готовим квартиру.

И пьем за удобную нашу бездомность,
За новой квартиры уют и холеность,
За воздух, как в парке, за близость метро...
За то, что без матери старой, за то,
Что можно сменяться еще поудобней,
Еще побездомней...

1978

НОЯБРЬ, 1995

Так не хотелось, чтоб пришла зима,
Чтоб стыли пальцы и щипало уши,
Чтоб скудные меж стекол закрома:
Капуста, огурцы, компот из груши –
Исчезли тотчас, лишь придет зима.

Но вот ноябрь; и валом валит снег.
Трамвай к метро плетется еле-еле,
А у метро – ни нищих, ни калек,
Лишь лабухи наяривать упрели
И их навар выбеливает снег.

Они играют гимн СССР
Так слаженно, сноровисто и ловко,
Как будто мстят за смерть своих карьер,
Их мятые и мокрые рублики
Превыше всех наград СССР.

Играют раз. И два. И три... И тьма
Сгущается. Попахивает свалкой.
И брань людская – горе без ума,
И черные резиновые палки...
И это значит, что пришла зима.

1995

САЛЕХАРД

Хочу опять уехать в Салехард,
В июль остылый, в бесконечный март,
В безумное болотное столетье,
В беспечное свое тридцатилетье.

Хочу туда! Пусть гидом – местный пес,
Пусть от мошки и слепней нет отбоя,
Пусть край земли, пусть Летой обский плес –
Пусть так. Зато я был в ладу с собою.

И с женщиной, что на закате дня
Перчила оленину... Спозаранку
Сказала тихо: «Не бросай меня».
Забыл ее, как от занозы ранку.

Я был Иосиф, божий ротозей.
Я твердо знал, что всех переиграю.
Я всех любил: жену, страну, друзей,
Не ведая, что всех их потеряю,

Любил себя – того, в ком был азарт,
Кто мог строчить стихи витиевато -
И по нему тоскуя виновато,
Хочу опять уехать в Салехард.

2009

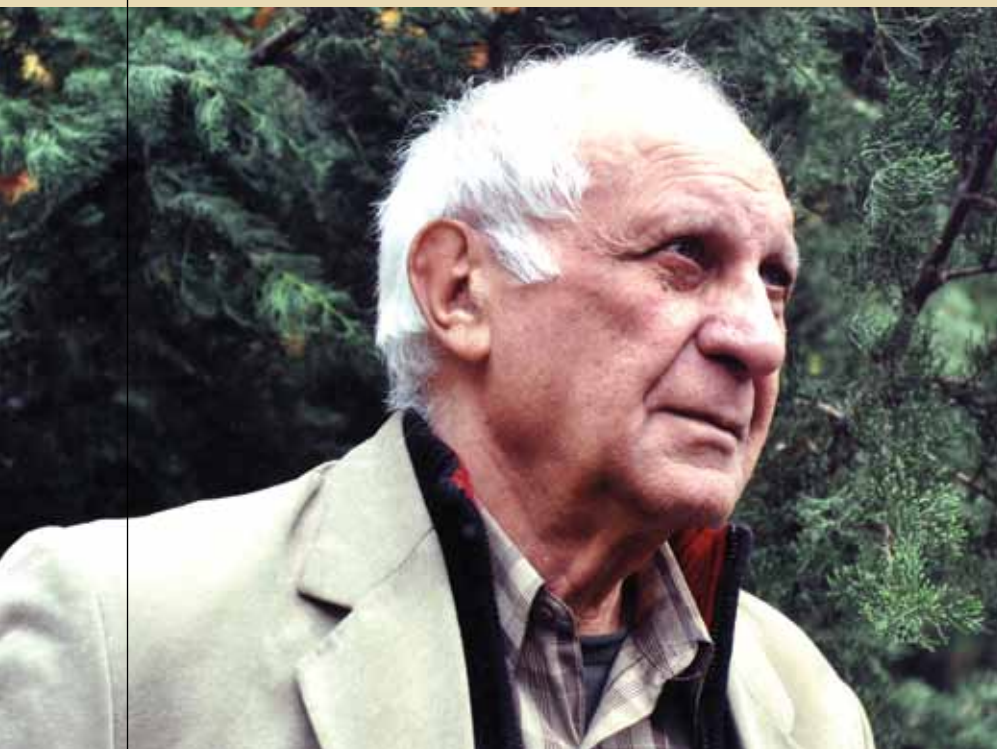
ПАМЯТИ ВОЛОДИ КАВТОРИНА

Где еще писать, как не в больнице:
Шаткий стульчик, тумбочка, кровать,
А в ночи – такое вдруг приснится...
Где, как не в больнице, сочинять?

Нынче нас врачуют акварели.
Знаем, им недолго ворожить.
Но еще не знаем, что в апреле
Ты умрешь, а я останусь жить.

И глуша «Серебряную воду»,
Что из Леты в Ладоге-Неве,
Мы лежим в хорошую погоду,
В солнечной и снежной синеве.

2011, февраль – 2012, сентябрь

Эмзар Квитаишвили

ДОСТОЙНОЕ СЛУЖЕНИЕ

К 80-летию Эмзара КВИТАИШВИЛИ

В ноябре 2015 года одному из выдающихся поэтов Грузии XX-XXI столетий Эмзару Квитаишвили исполнилось 80 лет. Эмзар встретил свой юбилей, окруженный двадцатью стихотворными сборниками, среди которых нельзя не назвать столь значительные, как «100 стихотворений» (на грузинском языке, 2011) и «Постоялец осени» (на грузинском языке, 2013). Его стихи переводились и издавались на русском языке. Кроме того, Эмзар – автор критических и литературоведческих статей, прекрасных эссе и монографий о писателях, среди них – «Акакий Церетели» (1990) и «Сокольник грузинского слова» (2003) – о Георгии Леонидзе, литературные портреты современных грузинских художников и скульпторов Зураба Нишарадзе (Пико), Тенгиза Мирзашвили (Чубчика), Элгуджи Бердзенишвили, Элгуджи Амашукели.

С 1969 года поэт работал в журнале «Цискари», с 1973 года и по сей день – в Институте грузинской литературы им.

Ш.Руставели. С начала выхода журнала «Русский клуб» стал его автором. Сын известного, всеми уважаемого врача, воспитанник тбилисского Дворца пионеров (который внес неоценимый вклад в духовное и культурное развитие многих поколений грузинского юношества), выпускник Тбилисского государственного университета (активный автор студенческого литературного журнала «Пирвели схиви» (Первый луч), Эмзар с детства неразлучен с книгой, с художественным словом. Он живет в поэзии и жив поэзией. Его увлечения – живопись и музыка. Человек кристальной порядочности и подлинный гуманист – таков Эмзар Квитаишвили, один из самых читающих людей современного общества. Высоко ценит он, в частности, русскую литературу и культуру. Вне русского языка и русской культуры нам будет трудно, – считает батони Эмзар.

Мы сердечно поздравляем маститого поэта и желаем ему долгих лет и долгого творчества!

ДУХОВНЫЙ НАСЛЕДНИК ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Эмзар Квитаишвили – мой брат и друг! В то же время Эмзар – духовный наследник грузинской литературы, поэт, идущий путем правды. Он служит истине и хорошо знает, что истина – это Господь Бог. Эмзар – верность нашего поколения, исполненный любви, борец против безверия и фарисейства.

Эх, сколько горестных дней выпало на его долю, но он не сломался. И в его глазах даже злого, недоброго человека нельзя презирать, потому что он почитает добро. Брат мой, Эмзар, ты достиг восьмидесяти лет, человек без изъяна и отличный от всех других. Где-то я читал – и вспомнил сейчас: «Верующий в Господа тот, кто вынесет мучения и страдания, причиненные людьми». Главное – выстоять. Что же тебе остается? Наверное, остается еще лет тридцать. Радости тебе, дорогой Эмзар!

Джансуг Чарквиани

ЭМЗАР

Эмзар Квитаишвили – внешне спокойный, невозмутимый, а внутренне бушующий, всегда взволнованный человек. Он всегда открыт, всегда готов к добру, таким знают его все. Ему не раз довелось познать коварство судьбы, тяжелый удар ее обрушился на Эмзара еще в детстве, когда сослали его отца, врача Давида Квитаишвили, известного не только как редкий диагностик, но и замечательный детский врач. Причем он зачастую лечил детей бесплатно. Свою деятельность он таким же образом продолжил и после возвращения из ссылки на родину. Пример – лучший учитель. И не зря гласит грузинская пословица, что жеребенок по породе скачет. Верно, именно это помогло маленькому Эмзару перенести горечь отрыва от отца. Трагическая гибель сына,

смерть любимого брата, смерть жены... Все это выпало на его долю. Но он глубоко запрятал и заглушил свою боль. Его души никогда не касалась ненависть, но он не легковесный оптимист. В его стихах всегда слышится легкий призыв затаенной печали. Его стих – это видение вечного в мгновенном. Эмзару – 80 лет, и он все так же любит жизнь и все так же верен добру. Разве это не победа над тщетой бытия?

Элгуджа Бердзенишвили

Эмзар – славный сын славной семьи. Он истинный интеллигент и истинный интеллектуал, глубоко эрудированный человек с безошибочным вкусом и художественным чутьем. Меня связывает с ним долгая дружба, которой вот уже более пятидесяти лет. Эта дружба зародилась тогда, когда он принес мне, директору издательства «Хеловнэба», свой грузинский перевод комедии Аристофана «Птицы». Меня поразило его мастерство, его глубокое понимание сложнейшего текста и передача этого текста на грузинский язык.

Меня покоряет мудрость и классическая простота его поэзии. Неколебимая сила эмоции там, где его мысли и чувства достигают высот трагизма, пленяет меня. Его проза – дневники, записки, портреты – стоит на уровне европейского мастерства. Его медитации способны придать простым жизненным явлениям характер глубоких обобщений. Удивительно: он все читал и все помнит. Время не влияет на него. Напротив – возрастает его мудрость и глубина его ума. Он весь – в поэзии, он творит поэзию и дышит поэзией.

Нодар Гурабанидзе

Дорогой мой Эмзар! Ты хорошо знаешь, что еще совсем недавно человек нашего воз-

раста считался глубоким стариком. Знаешь и то, что суть жизни вовсе не в ее продолжительности. И еще: очень трудно прожить жизнь так, чтобы предстать пред Господом безгрешным. Подобное, вероятно, удел лишь избранных из очень немногих...

Ты никогда не гасишь святую свечу памяти ушедшему и достойно служишь живым. Недавно некий молодой литератор в беседе со мной назвал тебя маститым. Было очень приятно слышать это от молодого. Да, талант и знания, друг мой, не должны оставаться незамеченными.

Никто не может упрекнуть тебя в том, что ты ради карьеры преклонял голову перед властью имущими. Никогда не рушил мосты между народами, зато всегда стараешься навести мосты между прошлым и настоящим и, конечно, всегда с тобой твоя неотъемлемая дума о твоей родине и твоей семье.

Пусть же Господь пребудет с тобой – и со всеми нами!

Гиви Шахназари

Мы с Эмзаром – друзья отроческих лет, а мой супруг Чабуа Амирэджиби и отец Эмзара, Давид Квитаишвили, оба бывшие зэки советских лагерей, побратимы, так что нас связывает «двойная» дружба.

Поэзия Эмзара всегда наводит читателя на размышления, открытость автора привлекает, его стих лишен витиеватости, он ясен, прозрачен. Его поэзию отличают особые черты: он всегда прост в выражении мысли и всегда ищет и находит красоту. Самая малая букашка для него имеет значение, она – Божие создание и носитель жизни, и потому даже в беспомощной ночной бабочке и в монументально красивом кипарисе он видит одушевленное существо. В его книгах царит чистый, добрый и красивый дух.

Не могу не сказать два слова о его книге стихов «Постоя-

лец осени», с большим вкусом изданной не так давно издательством «Бакми». В тонких, чуть отдающих печалью стихах сборника, большей частью двустрочных, ярко и выразительно переданы поразительное многообразие и многокрасочность мира.

Эмзар блестящий лирик нашего времени, о котором очень многое можно сказать, у которого не иссякнет читатель и не иссякнет прекрасный дар.

Друг и брат мой, Эмзар, поздравляю тебя с щедрым и обильным юбилеем, пусть Бог пошлет тебе здоровье и долгие лета!

Тамар Джавахишвили

Гарантом Эмзара Квитаишвили является его поэзия. Поэзия помогает ему в тяжелейшие моменты жизни. Помогает и книга – он ведь и филолог, литературовед. Но литература не оказала отрицательного влияния на его поэзию. Она и не могла бы сделать это – настолько силен в нем поэтический инстинкт. Эмзар любит жизнь, любит красоту и переживает тяжелую судьбу человека, но не только человека, а и животного, и растения. Достаточно прочесть его замечательное стихотворение «Фазаны, убитые на охоте». Жизнь ни в чем неповинной птицы для него так же дорога, как жизнь человека, а растение, дерево поэт ставит выше всех существ, даже выше Homo Sapiens-а. Здесь он выступает перед нами духовным наследником героя Важа Пшавела – Миндии. Помню, как он пережил гибель здорового столетнего дерева в одном из районов Ваке. В проникновенном стихотворении выразил он свои чувства, свой протест.

Эмзар – художник-психолог, он создает в своих стихах великолепные психологические портреты, как, например, портрет Тамар Эристави, Жана Ми-

келадзе, Гиви Гегечкори, Заура Болквадзе, Эрлома Ахвледиани, Анзора Салуквадзе, Фридо-на Халваши и других.

Поэта трогает судьба тех прелестных молодых женщин, которые безвременно ушли из жизни. Он сумел их обессмертить в своей поэзии, сумел остановить то мгновение, которое Гете назвал «прекрасным».

Эмзар Квитаишвили – патриот. Но он как бы следует Василию Розанову: «Чувство родины должно быть великим горячим молчанием». Эмзар приносит с собой тепло туда, куда приходит. Его приход был радостью для Акакия Гაცерелия, встречи с ним – радость для Гиви Шахназари, для Элгуджи Бердзенишвили и для многих, многих других.

Пусть долго-долго длится эта радость!

Реваз Квеселава

ЖИЗНЬ КАК ХАРАКТЕР

Эмзар Квитаишвили – один из ведущих исполнителей современного грузинского поэтического оркестра, у которого есть свой стиль, почерк, звучание.

Он поэт в классическом понимании этого слова. Своей

жизнью и творчеством он олицетворяет субъект деятельности, сущность которого древние греки обозначили словом «по-иэтэс».

Он знает, что важно и умеет говорить об этом ясно и понятно. Его натура характеризуется знаком света: светлое мышление, видение света. И венцом всему – просвещенность, образованность. Во всем он ищет и доискивается до сути. Вернее, находит интуитивно эту суть и раскрывает ее, как пришедшую по адресу посылку.

Поэзия – смысл и радость его жизни. Эмзар – «запоздавший» романтик, облаченный в реалистическое одеяние, примерно так, как и его предшественник Акакий Церетели.

В нем столько жизни, что, кажется, никогда не иссякнет этот источник. И стихи его полны жизни. В этом основная сила и привлекательность поэзии Эмзара Квитаишвили.

Иванэ Амирханашвили

ЭМЗАРУ КВИТАИШВИЛИ – ПОЭТУ И ДРУГУ

Приветствую выдающегося лирика нашего времени, мэтра поэзии, моего давнего друга Эмзара Квитаишвили со знаменательной датой – 80-летием. Много-много лет прошло с того дня, когда незабвенный Шота Чантладзе познакомил меня с молодым человеком с искрящимся взором и походкой чуть враскачку, которого я давно заметил в светлых коридорах нашего университета...

Помню, как Эмзар издавал свою первую книжку стихов, как ответственно и строго относился он к ее составлению. Он и тогда умел прислушиваться к чужому мнению. «Я не раз сам себя критиковал», – скажет он позднее, оглядываясь на тот максимум выражения своих мыслей и чувств в стихах, к которому всегда стремится. Человек с открытой душой, он необыкновенно открыт дружбе. Умение дружить – особый талант наряду с поэзией, который

так отличает его.

Он никогда не забывает того, кто обогатил его теплом своего сердца. О ком, о чем думаем мы, входя в возраст, если не о дружбе, о тех, с которыми вместе росли, проводили годы, десятилетия, радовались одной радостью и печалились, когда к кому-то из нас приходила печаль.

Ты недавно говорил: «Я и сегодня не достиг того, чего хотел достигнуть».

Пусть Господь дарует тебе здоровье и долголетие, чтобы твоя муза привела тебя к желаемому!

Зураб Кикнадзе

Друг и брат мой Эмзар! Мне выпала большая радость и большая честь – поздравить тебя с восьмидесятилетием!

С 1962 года, когда ты пришел в «Цискари», а я уже работала в «Литературной Грузии» и наши редакции находились в одном здании, на одном этаже, началась наша дружба, видимо, на всю жизнь. Сегодня я от всей души поздравляю тебя и воздаю тебе хвалу – ты, цельный и чистый человек, большой поэт и деятель нашей литературы.

Твоя поэзия сильна не только силой твоей природы и эмоцией, но нетускнеющими в памяти красками и оттенками, гармоничным звучанием стиха, его прозрачностью и при всем том – широтой охвата тем. У тебя звучат мотивы, которые звучат у Важа, но это отнюдь не влияние – они присущи тебе. В твоей поэзии – большая боль и красота, сострадание и сочувствие – не только человеку, но и животному, и дереву – всему живому.

Твоя научная деятельность в литературе и все твое творчество – прекрасный вклад в грузинскую культуру. И все это освещено добром, потому что добро – основная движущая сила всех твоих начинаний, действий и поступков. Пусть свет добра всегда освещает твой путь, и да будет он долгим и плодотворным!

Камилла-Мариам Киринтэли

ПОЗНАТЬ ЯЗЫК ПРИРОДЫ

К 100-летию со
дня смерти Важа
Пшавела

Важа Пшавела

■ Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Альфред Теннисон в своем эссе, посвященном памяти Томаса Элиота, называет три основных единовременных качества, характеризующих великого поэта: плодовитость, многокрасочность и совершенство мастерства. Важа Пшавела был щедро одарен всеми этими качествами, которые он с необыкновенной силой проявил на протяжении своей не столь долгой жизни.

Если кто-либо сравнится величием творчества, многообразием и глубиной с такими гигантами мировой поэзии как Данте, Шекспир и Гете, то один из них неоспоримо будет Важа Пшавела. Его не зря сравнивают с Робертом Бернсом, увенчавшим Шотландию неувядающим венцом.

Подобно Бернсу Важа одной рукой держал перо, ночью при свете лучины писал свои гениальные творения (не всегда имея деньги на керосин), а другой рукой держал плуг и плодами тяжелого крестьянского труда кормил своих малолетних детей.

Важа Пшавела считал своими предтечами Руставели и Гурамишвили, знал, какой тяжкой была участь настоящего поэта, какую жертву требовали от него великие тени, преклонив колени, просил помочь ему произнести стоявший в горле стих.

Мало кто проник так глубоко в тайны природы, как Важа Пшавела. Живое и неживое, все, чего бы не касалось его магическое перо, все оживало, и камни начинали говорить о своей боли.

Неотразимое впечатление на юного Важа произвело стихотворение Евгения Баратынского «На смерть Гете», которое прочел ему школьный товарищ Симон Саларидзе.

Он воспринял это стихотворение так, будто оно написано о нем, настолько соответствовало оно его чувствам, всему его существу.

Конечно, появление в грузинской литературе столь мощного таланта не прошло незамеченным, однако при жизни он не получил того признания, которого заслуживал. Правда, известно высказывание Ильи Чавчавадзе (хотя отдельной статьи о Важа Пшавела он не публиковал): «Мы, старики, должны отложить перо и уступить дорогу Важа».

Известно также, что в беседе с Артуром Лайстом он назвал автора «Орла» и «Рассказа маленькой лани» гением.

Принципиальный и беспристрастный литературный критик Кита Абашидзе, не сразу признавший в Важа Пшавела великого художника и мыслителя, позднее сделал одно весьма интересное наблюдение, согласно которому в сердце Важа были впечатаны строки «Чинари» Н.Бараташвили: «Я верю, что существует некий язык тайный между неодушевленными, и он есть главный и прежде других имеет значение их беседа», — писал К.Абашидзе.

Интересно, что еще юношей в кругу товарищей Важа Пшавела прочел доклад — «Николоз Бараташвили — поэт мировой печали». Когда же стало известно о гибели Бараташвили в Гандже, Важа написал одно из лучших своих стихотворений — «Праху Николоза Бараташвили».

С вышеупомянутым наблюдением Кита Абашидзе впоследствии согласился и Гурам Асатиани и, несмотря на различие темпераментов и отношение к окружающему миру этих двух гениев, пошел

еще дальше. Он считал, что провидческие строки произведений Бараташвили нашли свой отзвук в произведениях Важа Пшавела.

Григол Робакидзе – вот кто, пожалуй, глубже и полнее всех понял и оценил самобытный, могучий талант Важа Пшавела. Еще в 1907-1909 годы он читал целый цикл своих блестящих лекций о творчестве Важа – сперва по-русски, затем по-грузински (об этом вспоминает Давид Клдиашвили в своей замечательной книге «На моем жизненном пути»). Григол Робакидзе сразу же уловил мифологичность глубокой поэзии Важа и особое внимание уделил его столь необычной поэме «Змееед».

Он полностью воспринял колорит пшавско-го диалекта в богатейшем, мощном языке поэта. Устами автора «Змеиной рубашки» глаголет сама истина, когда с безграничной смелостью он заявляет: «Он (Важа) воплотил самостийный гений природы и стал истинным гением в мировом смысле...» И еще один фрагмент этой же лекции Робакидзе: «Он пантеист не фигурально: нет, он в своем пантеизме подлинный мистик... Природа для него живая оболочка, которая стремится к своему совершенству... Логос – вот исток поэтического гения Важа! Вне логоса его поэтическое слово было бы просто «пестрым словом». Это явственно подтверждает его поэма «Змееед». Остановимся на этой поэме. Это необходимо не только для характеристики таланта Важа Пшавела, еще более необходимо для познания грузинского гена – «поскольку «Змееед» подлинная плоть духовной энергии грузин, ее наилучший плод».

Григол Робакидзе был знаком с Важа Пшавела. Его поражало, насколько глубоко знал Важа европейскую философию. В одну из встреч Григола с Важа в редакции журнала «Тэми» («Община») у них был спор по поводу философии Огюста Конта. Важа не соглашался со своим юным поклонником. Робакидзе вспоминал впоследствии: «Казалось, его одним глазом (второй глаз ему погубила сибирская язва) на меня взидала вся Вселенная».

С особым почтением относился к Важа Пшавела один из лидеров «голубороговцев» Тициан Табидзе. В статье о Важа он пишет, что Важа всем существом чувствовал «свежесть и неувядаемость природы», которая, по его мнению, была источником бессмертия поэта: «Такой же свежей останется его поэзия, ее не коснется «недолговременность» какой-либо школы, которая рождается утром, чтобы умереть вечером и не воскреснуть никогда. Важа Пшавела вмещает все, в его сердце пели тысячи свирелей, потому ему не угрожает коварство времени – его стихи будут так же неколебимы и тверды, как скалы и могучи, как корни столетних деревьев».

Тициан Табидзе особо выделяет язык несравненной прозы Важа. «После Сулхана-Саба Орбелиани в Грузии не было такого мастера прозы», заключает он. Как ни удивительно, Акакий Церетели одно из своих стихотворений начинает с того, что обращается к Важа со словами: «Не нравится мне твой язык, пшав», что очень обидело адресата. Од-

Важа Пшавела с семьей

нако, рыцарь по натуре, в своем «Запоздалом ответе Акакию» он был предельно вежлив и корректен.

Язык Важа Пшавела, сильный и выразительный, это особый феномен, это поэтическая речь, сродни языку красивейшей пшавской народной поэзии. К сожалению, он очень трудно поддается переводу. Многие грузинские писатели, критики и исследователи не сразу приняли его язык. Его огромное, неисчерпаемое по своей глубине и многозначности наследие нелегко постигнуть и оценить. На это требовалось время. Даже столь крупный литератор, исследователь, человек широко образованный и широко мыслящий как Геронти Кикодзе не сразу постигнул величие Важа Пшавела и лишь на двадцатом году после смерти поэта опубликовал статью, в которой кардинально изменил свое отношение к нему.

Известный в свое время литературный критик Иполитэ Вартагава в 1914 году, за год до кончины поэта, опубликовал статью «Песнь сына гор Важа Пшавела». В ней он высоко оценивает творчество гениального писателя, но наряду с этим статья изобилует различными неточностями и неверными положениями. Однако она интересна тем, что в ответ Важа напечатал свою статью, корректную и вежливую, как было ему присуще, в которой открыл некоторые секреты своего творчества и развеял беспочвенные замечания некоторых критиков.

Верный курс в научном изучении наследия Важа указал талантливейший исследователь истории грузинской литературы, несравненный знаток грузинского фольклора поэт и переводчик Вахушти Котэтишвили. Большую роль в изучении особенностей творчества поэта сыграл Симон Чиковани. В его статье «Колорит жизни Важа Пшавела и его поэтическое творчество» всесторонне освещается тот мир, в котором родился и рос великий поэт, рассматривается разнообразие средств выражения, богатейшая речь автора «Змеееда». Симон Чиковани первым отметил, что «дионисийский дух» Важа Пшавела находится в дальнем родстве с

языческой поэтической природой Гете. По мысли С.Чиковани, в мощном поэтическом голосе поэта слышится отзвук горного эхо и шума дремучих лесов.

Георгий Леонидзе считал Важа Пшавела своим предтечей и до конца остался его последователем.

Замечательный знаток мировой литературы, исследователь грузинского стиха, писатель Акакий Гацерелия очень высоко ценил творчество и личность Важа Пшавела. Его перу принадлежат несколько статей о Важа. Из них отметим «Важа Пшавела и грузинский миф», в которой Акакий Гацерелия, весьма скупой на похвалу, пишет: «На рубеже XIX-XX веков (и после того) мы не знаем второго художника, одаренного столь неограниченной фантазией и поэтическим визионом, причем не только в грузинском масштабе: анало-

Интерьер Музея Важа Пшавела в Чаргали

га ему мы не находим и в мировой литературе последнего столетия.

По сути, Гете завершает тот круг гениев, которые черпали материал для своих творений из мифологического арсенала (мы имеем в виду вторую часть «Фауста»). Выше оценить поэта невозможно.

Большую лепту в изучение духовного наследия Важа Пшавела внес известный исследователь, профессор Тбилисского государственного университета, основатель кабинета Важа Пшавела Григол Кикнадзе (1909-1974). Его монография «Творчество Важа Пшавела», которая по некоторым причинам была издана с десятилетним опозданием в 1956 году, положила начало целому этапу в изучении творчества писателя.

Столетию со дня рождения Важа (1966) посвятил Григол Кикнадзе одну из лучших своих статей, в которой много новых неожиданных наблюдений, способных послужить темой отдельных исследований.

В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности коснуться других весьма интересных и

важных исследований Григола Кикнадзе, как например, «Важа Пшавела против Зигмунда Фрейда», «Стиль прозы Важа Пшавела» и другие, но нельзя не отметить, что именно он возглавил и непосредственно руководил изданием весьма ценного «Сборника, посвященного памяти Важа Пшавела» (1966 г.). Следом вышла монография «Бахтриони». Поэма Важа Пшавела» и большая статья «Пять поэм Важа Пшавела», в которых дается многосторонний анализ главных эпических произведений поэта. Эти издания вызвали живой отклик такого тонкого ценителя стиха как критик Теймураз Доиашвили и других, что явилось единодушным признанием огромной заслуги любимого педагога, выдающегося исследователя, профессора Григола Кикнадзе.

Однако с прискорбием должен сказать, что в 2010 году, во время так называемой «реорганизации» университета, кабинет Важа Пшавела со всеми его бесценными экспонатами, с такой любовью, заботой и трудом созданный Григолом Кикнадзе, был уничтожен. Группа ученых в течение ряда лет работала над составлением большого словаря языка Важа Пшавела, увы, все это бесследно исчезло. Это был варварский акт.

Одной из самых лучших работ о Важа Пшавела является монография «Трагические маски» Тамаза Чхенкели. С присущим ему артистизмом автор последовательно вводит нас в уникальную стихию мифологического мышления поэта-философа. Работа эта вызвала всеобщее одобрение. Тамаз Чхенкели опубликовал также серию статей о Важа Пшавела. В одной из них – «Важа Пшавела – поэт грядущего» автор называет первоисточник творений гениального поэта: «Корень поэзии Важа таится в глубочайших недрах грузинского мифа, а этот последний проявляется в блистательной пшаво-хевсурской народной поэзии и сказаниях, в древнейших и уникальных восхвалениях...» и далее: «Если мы не привыкнем постепенно к этому миру мифа, к законам жизни и мышления действующих в нем людей, к их архаичной психологии, мы не почувствуем величия эпоса Важа, не проникнем в его глубочайший грузинский, не поймем неповторимости и поразительной динамичности его поэтического языка».

Из мифологического мироощущения идет вневременность поэтического мира Важа Пшавела, его первозданность. Отсюда же берут начало его суровые визионы и inferнальные видения, не говоря уже о целой системе поэтических образов, понимание и анализ которых были бы довольно трудны без учета мифологических аспектов.

Выдающиеся русские поэты XX века (О.Мандельштам, М.Цветаева, Б.Пастернак, Н.Заболоцкий), не зная оригинала, с помощью подстрочника и своего таланта сумели почувствовать необычайность мира Важа Пшавела, непохожесть ни на кого и стали переводить его поэмы.

Тамаз Чхенкели, сам поэт и мастер перево-

Вход в Музей Важа Пшавела

да, из всех переводов Важа Пшавела на русский язык выделяет переводы Николая Заболоцкого. Заболоцкий не считал нужным механически переносить грузинские размеры стиха, а «использовал для русского перевода Важа Пшавела классический русский стих, которым в русской поэзии прошлого века писались эпические произведения» (надо сказать, что советчиком Н.Заболоцкого был его друг Симон Чиковани).

Сравнивая перевод поэмы «Алуда Кетелари» с оригиналом, он отмечает, что местами (например, описание картины наступления вечера) перевод блестящий и «ничем не уступает оригиналу».

В научное изучение творчества Важа Пшавела весомый вклад внес, к сожалению, рано ушедший блестящий литератор, критик, наделенный изысканным и безошибочным вкусом Гурам Асатиани.

В его замечательной работе «Важа Пшавела» высказано не одно смелое, наводящее на размышление соображение. Автор рассматривает отдельные положения других исследователей и дает им свою оценку.

Приведем два небольших фрагмента статьи.

«Лирический герой поэзии Важа Пшавела, как и персонажа его поэм зачастую напоминают бессмертные характеры «Вепхисткаосани». Разумеется, Важа в своем столетии был не единственным поэтом, который выразил своеобразный оттенок грузинского характера. Как истинно великое национальное явление вся его поэзия по своему духу неотделима от своеобразного гума-

нистического пафоса грузинской литературы.

Но только лишь ему, Важа Пшавела, под силу было так искусно смешать в своей поэзии гул и рев срывающихся с вершин лавин и оползней с нежнейшими мелодиями народных песен. Лишь он один из современников был одарен волшебным даром ясновидения, которому дано зреть Божию благодать и красоту среди уродливых и грубых форм жизни».

Вывод, который в заключение своей статьи предлагает нам автор, опирается на веские аргументы: «В минувшем веке Важа Пшавела был тем избранным из избранных поэтов, увенчавшим эстетическое развитие, протекавшее на протяжении двух эпох, который сумел в совершенной форме выразить взаимопроникающее драматическое единство «земли» и «неба», «вещественного» и «идеального», – реалистического и романтического.

После семивекового интервала, в новое время, в новую эпоху, на новой ступени эволюции поэтического мышления он вновь достиг возрождения руставелевской ренессансной гармонии».

В прошлом 2014 году вышла объемистая монография Ростом Чхеидзе, известного автора биографических романов под названием «Гость дэвов (хроника жизни Важа Пшавела)». В монографии собрано огромное количество уникальных, новых, малоизвестных либо позабытых материалов и по всем параметрам она превосходит рамки «хроники жизни». Говорят, хорошее название – уже полдела. Ростом Чхеидзе очень удачно подобрал название для своей работы, оно вполне

соответствует грандиозному миру, высвеченному гением Важа Пшавела.

Прекрасно иллюстрированная художником Важа Орбеладзе, монография эта имеет много достоинств, об одном из них говорится в аннотации: «Оказывается, возможно было эту избранную личность, своего рода символический образ нашей страны, эмблему и визитную карточку Грузии, представить перед человечеством при представлении независимого государства Грузинского».

Важа Пшавела не считал зазорным влияние одного писателя на другого. Напротив, он видел в этом одно из главных проявлений обогащения литературы. Не скрывал он, каким мощным импульсом стало для него стихотворение Рафиэла Эристави «Родина хевсура». Примером того, насколько благотворно может быть влияние, он приводит Пушкина и Толстого. Ко Льву Толстому Важа относился с особым почтением. На смерть великого художника и мыслителя он откликнулся проникновенным стихотворением. «России уж не найти ему подобного в своих владениях», – такую фразу читаем в этом стихотворении.

Важа Пшавела прекрасно знал, какого ранга писателем он является. В статье «Раздумья о «Вепхисткаосани» он пишет: «Я, разумеется, не Руставели: куда Квернаки до Эльбруса. Однако ж Квернаки все-таки более схож с Эльбрусом, нежели Тирифонская долина. Солнце, конечно, солнце, но даже самая маленькая звездочка имеет с ним больше общего, чем какое-либо другое тело в небесном просторе, поскольку звезда и Солнце одному закону подчиняются, и их природа более или менее соответствует друг другу...»

Известно, какую огромную роль в творчестве Важа Пшавела играют горы, образ горы как таковой. Горы, гнездовье и обиталище орлов, для него были воплощением свободы, здесь особо ощущалась близость к Богу. Горы – обитель чистоты, святости и бессмертия. В одном из важных своих стихотворений, написанных на манер народной песни «Я был на горе» (1890 г.) он пишет:

*Я был на горе. Стоял на вершине...
Перед глазами расстилалась страна.
На груди моей возлежали Солнце и Луна.
Говорил я с Богом.
Забота о благополучии отчизны
была в душе и сердце моем:
жизнь и смерть ради нее
были для меня вторым законом.
Сейчас тихо-тихо спускаюсь,
В ущелье ждет меня темнота,
за мной идет грустная дума,
обжигающая сердце и разум.
С высоты вниз спускаться
о, как тяжело.
(Перевод подстрочный)*

Зураб Кикнадзе, известный ученый и знаток Святого писания, комментирует: под первым законом имеется в виду первая из Десяти заповедей – «Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом моим». А в статье «Горы и доли Важа Пшавела» пишет следующее: «Гора здесь не просто гора: это Синай. Здесь было явление Господа. На Синае стоял Моисей и мыслил о человечестве, отсюда идут предсказание, поэзия, вдохновенное служение народу, здесь рождается вера». И далее: «Путь с вершины вниз» он рассматривает как путь к совершенству, а исток метафоры стремления к нравственному совершенству, по мысли З.Кикнадзе, надо искать в псалмах.

Перу Важа Пшавела принадлежит в высшей степени интересный цикл этнографических статей – «Пшавы», «Хевсуры», «Хевсурская свадьба», «День Лашарского креста» или «Лашароба», и многие другие, которые составляют настоящую сокровищницу для изучения грузинского быта и культуры.

Богато и интересно публицистическое наследие Важа Пшавела. Отметим одну из его публицистических статей, имевшую для него принципиальное значение – «Космополитизм и патриотизм». Вот что пишет поэт: «Каждый сын отечества должен служить родине всеми своими силами и помыслами, должен радеть о своих собратьях и, насколько разумен будет его труд, насколько полезной для родной страны окажется его лепта, настолько полезным будет он и всему человечеству».

Мысли, высказанные в заключительной части статьи, кажутся написанными сегодня: «Космополитизм следует понимать так: люби свой народ, свою страну, радей о ее благополучии, не презирай другие народы и не завидуй их благу, не мешай их стремлениям и заботься, чтобы твою родину никто не притеснял и сравнялась бы она с передовыми странами. Кто отступает от своей нации и своей страны с той мыслью, что, дескать я космополит, он уродлив и, сам того не замечая, становится врагом человечества... Боже упаси понимать космополитизм так, будто все должны отказаться от своей нации, ведь тогда человечество должно отказаться от самого себя... Каждая нация должна развиваться по-своему, это обязательное условие для развития всего человечества».

Для многовековой грузинской литературы гордостью и немеркнувшей славой пребудет то, что великий сын гор Грузии, поэт, прозаик, мыслитель, наделенный божественным даром Важа Пшавела, познавший и изучивший язык природы в своих творениях, с необыкновенной художественной силой и глубиной выразил высшие идеалы человечества.

Перевод Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

■ Дэви ПУТКАРАДЗЕ

ДИНАСТИЯ

Имя Лаура Манагадзе не нуждается в эпитетах и длинном перечислении ученых званий. Сегодня он лидер современной грузинской урологии. Почетного члена Европейского общества урологов знают и уважают далеко за пределами Грузии. Лаур Манагадзе уже давно перерос свою славу блестящего хирурга-оператора. Для него главное – идти в ногу со временем, воспитать плеяду урологов, отвечающих самым высоким требованиям нового времени.

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ СПОДВИЖНИКОВ

– Главным считаю то, что я воспитал плеяду урологов, которые лучше меня, – говорит Лаур Григорьевич. Лучше в каком-то своем, конкретном сегменте урологии. Я горжусь этим. И говорю своим пациентам: «Это мой ученик. Я полностью ему доверяю. Он сделает лучше». Это и есть движение вперед. Это и есть самое ценное.

– Ваши хирурги часто бьются в зарубежных клиниках для изучения передового опыта?

– Регулярно. За последнее время они побывали в Англии, Франции, Германии, Италии, Голландии, Бельгии, США, Ис-

пании, Швеции, Польше, Турции, Чехии, Израиле. Боюсь, я назвал не все страны. Сейчас мы проводим совместные исследования с швейцарскими, немецкими и турецкими урологами. Сегодня в Грузии – мы монополисты лапароскопической хирургии в урологии. А это магистральный путь развития нашей отрасли медицины. Мы делаем сотни таких операций в год. В ведущих зарубежных клиниках прошел практику Георгий Хвадагани. Ему всего 28 лет, а он уже прекрасный специалист. У лучших хирургов мира учился передовым методам Давид Николеишвили. Сегодня Давид делает сложнейшие операции не только у нас, но и за рубежом. В прошлом году в Батуми вместе с московскими коллегами мы организовали большой урологический конгресс с проведением сложнейших показательных операций. И, знаете, среди

Лаур Манагадзе

всех, кто оперировал, Давид был лучшим. Мое поколение урологов постепенно уходит в тень, но именно благодаря им в институте выросла плеяда урологов, которым сегодня от 35 до 50 лет. Это возраст творческого расцвета. Их мастерство отвечает самым высоким профессиональным требованиям. К примеру, Арчил Чхотуа – лучший в такой сложнейшей операции, как пересадка почки. Долгие годы я был бессменным президентом Ассоциации урологов Грузии, и вот совсем недавно передал бразды правления в руки Арчила. В блестящих, авторитетных урологов междуна-

родного класса выросли Заза Чантурая, Амброси Пертия, Заза Мезвришвили, Александр Уджмаджуридзе. Сейчас пришли новые технологии в лечение такой, к сожалению, очень «популярной» среди мужчин пожилого возраста болезни, как гиперплазия предстательной железы. Она больше известна как аденома простаты. Лазерные технологии резко понизили количество осложнений. Сделали операцию бескровной, более безопасной и практически безболезненной. Пионером этого дела в Грузии стал профессор Георгий Манагадзе.

– А к вам приезжают ино-

странные коллеги для изучения вашего опыта?

– Конечно, приезжают. Наше общение с зарубежными коллегами – это не улица с односторонним движением. Мы едем к ним, они едут к нам. За последние 2 месяца у нас побывали с рабочим визитом два уролога из США, один из Армении. В ближайшее время планируется приезд уролога из Швейцарии для освоения трансуретральной хирургии. В конце мая мы провели большую международную конференцию по мочекаменной болезни с участием известных европейских урологов – таких, как Питер Алкен и Кристиан Чосси. Они были в числе тех, кто «убил» открытую хирургию мочекаменной болезни. Чосси разработал метод т.н. экстракорпоральной литротрипсии. Это когда создаются ударные волны, которые разрушают камни. Больного даже не нужно госпитализировать. Это была революция в медицине. Мы накопили большой и интересный опыт в этом деле. Потому и ведем совместные исследования с немецкими коллегами. Данное направление работы в нашем институте возглавляет профессор Георгий Манагадзе. К нам приезжают оперировать урологи с мировым именем – Питер Алкен, Рудольф Гогенфельнер, Уве Штольценбург и другие. Все они наши друзья.

...У мировых знаменитостей хирургии график работы распisan на многие месяцы вперед. Когда несколько лет назад Лаур Манагадзе позвонил Штольценбургу и попросил его срочно приехать в Тбилиси, это ломало все графики немецкого медика. Но Штольценбург прилетел. В срочной операции нуждалась супруга Лаура Манагадзе. Операции, которую тогда не делали лапароскопически ни в клинике Манагадзе, ни в других клиниках Грузии. Великий хирург прилетел в 6 часов утра, в 10 он уже оперировал, а в 5 улетел в Германию. Штольценбург и в дальнейшем оперировал в нашей клинике.

– Питер Алкен, который принимал участие в конгрессе, о котором я уже говорил, после конгресса остался на несколько дней, сделал три уникальные,

сверхсложные операции. Осенью мы вновь его ждем. Уже готовим больных. В декабре планируем проведение съезда урологов Грузии. Ждем приезда из Европы группы ведущих урологов как старшего, так и молодого поколения. Наши коллеги проведут несколько показательных операций.

– **Возможно, чтобы кто-то из именитых иностранных коллег прооперировал пациента из Абхазии?**

– Да, возможно. Когда к нам приезжает иностранный специалист, он на определенный срок становится членом нашего коллектива. У нас бывают больные из Абхазии. К ним мы относимся с особой теплотой. Ведь в советское время более 20 лет нашим институтом руководил замечательный человек и уролог Сократ Яковлевич Аршба. Мы его помним и чтим. Больные из Абхазии, как правило, попадают на лечение в лучшие клиники Грузии по государственной реферальной программе. Государство платит за их лечение клиникам большие деньги. Мы готовы вне рамок этой программы взять на себя лечение нескольких больных из Абхазии.

– **Первый в СССР Институт урологии был основан в Тбилиси в 1958 году. На протяжении всей своей истории он был ведущим в своей области**

Георгий Манагадзе

научным учреждением. Вы уже более 30 лет являетесь его руководителем. Но это частное учреждение. Скажите, как это произошло?

– В начале 2000-х годов правительство Грузии взяло курс на полную приватизацию медучреждений. Было решено коренным образом перестроить всю систему функционирования здравоохранения. Вот тогда, в 2006 году, мне предложили приватизировать наш институт, я долго колебался. С одной стороны, после разрухи, которую пережила наша страна, материально-техническая база института была далеко не в блестящем состоянии. Взвалить на себя огромный груз хозяйственных забот? Не пойдет ли это во вред научной работе? А с другой стороны! Если в институт придут посторонние люди? Хорошие или плохие? Но в любом случае – посторонние? И я решил взять на себя ответственность за институт, за судьбы нескольких сотен людей. И не жалею об этом. В том, что я принял такое решение, огромную роль сыграл мой сын, профессор Георгий Манагадзе. Он практически освободил меня от всех хозяйственных забот. Я занимаюсь только медициной. А институт наш с каждым годом становится все более современным медучреждением, отвечающим самым высоким международным стандартам. И в этом большая заслуга Георгия.

ГЕОРГИЙ, СЫН ЛАУРА

– Знаете, сколько я себя помню, меня называют – Георгий, сын Лаура, – с улыбкой говорит профессор Георгий Манагадзе. – Возможно, это обстоятельство и сподвигло меня на изучение генеалогии нашей фамилии. Как выяснилось, наша фамилия берет свое начало в Лечхуми. Потом часть Манагадзе переселилась в Имерети, а часть в Абхазию. По церковным книгам, в XIV веке один из Манагадзе в селе Мокви Очамчирского района построил храм. Я служил в армии в Абхазии и там познакомился с абхазскими Манагадзе. Сейчас все они, к сожалению, беженцы. Врачей в нашем роду

не было. Отец – первый. Мама – врач-педиатр. Так что вопросов о выборе профессии у меня не было. После армии, студентом третьего курса Мединститута, я уже стоял рядом с отцом в операционной. А потом занялся литротрипсией. 30 лет назад дистанционное разрушение камней почек стало настоящей революцией в урологии. И я впервые в Грузии принял в ней участие.

– **А другие урологические операции делали?**

– Да. Помимо литротрипсии, мой сегмент – лазерная хирургия простаты. Я руковожу этим направлением. Но вы должны знать. Это раньше хирург-уролог был мастером на все руки. Сейчас существует строгая специализация. В некоторых западных странах существуют разграничения между клиниками. Есть операции, которые в Англии, к примеру, делают лишь в 2-3 реферальных центрах. Другие медучреждения просто не имеют права их делать. У нас в Грузии такого разграничения нет.

– **Вы еще и гендиректор этого огромного национального урологического центра. На многих этажах продолжается реконструкция. Не мешают административные обязанности творческой работе?**

– Стараюсь, чтобы не мешали. Вы правильно заметили, реконструкция продолжается. Но там, где она завершена, наш центр отвечает самым высоким европейским требованиям. Мы никогда не экономим на оборудовании. У нас самая современная урологическая техника. Сегодня, во всяком случае, в нашем регионе мы лидеры по ряду направлений урологических исследований. В частности, и по реконструктивной урологии. Без хорошей организации дела нельзя добиться высоких творческих, научных результатов. И приватизация института этому способствовала. Мы сами управляем, сами отвечаем за качество своей работы. Если что-то не получается, причину ищем не в других, а в самих себе. Сами решаем, куда вкладывать инвестиции. Это стимулирует конкуренцию, а значит, и развитие.

– **А что выиграло государство?**

Георгий Манагадзе-младший на вручении диплома

– Государство полностью освободило себя от огромного финансового бремени: не платит зарплаты медработникам, не заботится о состоянии медучреждений, не обеспечивает их необходимым оборудованием, препаратами и т.д.

– Значит, вы вообще никак не связаны с государством?

– Нет, это не так. В Грузии введено всеобщее медстрахование. 70% наших больных лечится за счет госстрахования, еще 30% – за счет корпоративной или частной страховки. С долевым участием пациентов в оплате лечения. Без развития системы медстрахования частная медицина нежизнеспособна. А сегодня 98% всех лечебных учреждений Грузии приватизированы, кроме Республиканской больницы, Онкологического центра и нескольких клиник в регионах, которые ранее были приватизированы, но их владельцы не выполнили своих обязательств перед государством.

– Приватизации часто сопутствует сокращение персонала. У вас тоже так произошло?

– У нас в центре работает около 300 сотрудников. Может

их числа и пошла бы на пользу дела. Но мы не пошли на этот шаг. Потому что в этом случае можно было потерять в коллективе чувство единой семьи, которое долгие годы так бережно воспитывал мой отец. Ради этого мы идем на некоторые издержки.

ГЕОРГИЙ, ВНУК ЛАУРА

Для батони Лаура альма-матер – Первый Московский медицинский институт. Как он считает, в пору его учебы лучший в мире медицинский вуз. И по сей день крепкая дружба связывает Лаура Манагадзе с ведущими русскими урологами – Олегом Лораном, Алексеем Мартовым, Сергеем Даренковым, Дмитрием Пушкарем. У его внука Георгия Манагадзе-младшего иные приоритеты. В 2010 году в Тбилиси он окончил Американскую академию, а в нынешнем – бакалавриат Витон-Колледжа в Бостоне. Изучал там биологию и экономику.

– Вы знаете, – рассказывает Лаур Григорьевич, – по биологическим дисциплинам Георгий вошел в число лучших выпускников колледжа этого года, а по экономическим – в тройку лучших выпускников за последние пять лет. А это две тысячи студентов!

В течение года в Тулейнском университете Нового Орлеана Георгию предстоит изучать молекулярную биологию для получения степени магистра. А в будущем году он будет поступать в один из американских медицинских университетов. Впереди долгий и трудный путь овладения профессией, и продолжить его Георгий твердо намерен в Америке, чтобы вернуться на родину высококвалифицированным специалистом. Продолжить дело отца и деда.

Для Лаура Григорьевича в молодости высшим авторитетом в профессии был гуру российской урологии, профессор Николай Алексеевич Лопаткин и выдающийся уролог Европы профессор Мориц Мебельс, с которыми в дальнейшем его

связала удивительно крепкая дружба на всю жизнь. Для Георгия пример для подражания – всемирно известный американский хирург Дебейки.

Вот такая разница в приоритетах. Радоваться ей или огорчаться?

Ни то и ни другое. Это зеркальное отражение нашей жизни, ее развития, движения вперед. А без движения нет и самой жизни.

Семь лет назад в интервью с Лауром Григорьевичем я задал ему один наивный вопрос:

– Скажите, может ли плохой человек быть хорошим врачом?

– Хорошим специалистом своего дела, безусловно, может. Хорошим врачом никогда.

– Почему?

– Потому что хороший врач сублимирует свою энергию, волю, желание помочь самому больному. Без этого клятва Гиппократ превращается в пустую формальность. Этому нас учили в институте. Этому надо учиться всю жизнь. Учиться и не уставать любить.

Думается, это стремление берет свое начало в столь органичной, врожденной интеллигентности Лаура Григорьевича.

Надо самому увидеть, с какой гордостью рассказывает он об успехах своих учеников.

Это редкостное умение гордиться чужими достижениями дается очень немногим. Тем, кто может объединить вокруг себя единомышленников.

Мы нередко рассказываем о семейных династиях деятелей искусства, артистов, педагогов, врачей.

Сейчас на наших глазах складывается династия врачей Манагадзе. И не только семейная. Продолжает формироваться врачебная школа учеников Лаура Манагадзе, которых отличает высокий профессионализм, стремление к новому, чуткое отношение к тем, кто доверил им самое дорогое – заботу о своем здоровье. Они постоянно учатся. Учатся не уставать любить.

Александр Флоренский

АЛЕКСАНДР ФЛОРЕНСКИЙ: БЫТЬ, А НЕ КАЗАТЬСЯ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Я познакомилась с Александром Флоренским в октябре 2011 года. Снимала телевизионный сюжет про «Тбилисскую азбуку» и про любовь ее автора к грузинской земле. Тогда же и выяснилось, что этот известный питерский художник, который создал на родине нашумевших «Митьков», сотни притягательных своей непосредственностью и искренностью картин, а также проиллюстрировавший культовый трехтомник Сергея Довлатова, не такой уж и питерский. А больше, чем некоторые, тбилисец.

СЛУЧАЙНОГО НИЧЕГО НЕ БЫВАЕТ

Прапрадед Флоренского был военным врачом во Владикавказе. А его сын, тезка художника Александр Флоренский учился в Тифлисе, в первой гимназии, после окончания которой отправился в Санкт-Петербург учиться на инженера путей сообщения.

– В Петербурге мой прадед встретился с моей

прабабушкой, своей женой. Она была уроженкой Сигнахи, жила в Тифлисе. Ее звали Ольга Сапарова. Родом она была из знатной богатой армянской семьи, владеющей недвижимостью в Сигнахи и Тифлисе. Кстати, поговаривали, что приказчиком отца прабабушки в молодости был Александр Манташев, будущий миллионер. Он пытался свататься к одной из его дочерей, но ему гневно отказали. Так вот, в Петербурге Ольга Сапарова училась на курсах, тогда было модно девушкам ездить на учебу в столицу. Ей было лет девятнадцать или двадцать, наверное. И я подозреваю, что они познакомились именно на почве того, что оба были из Тифлиса.

В Петербурге Сапарова и дала согласие на брак. Но, решив выйти замуж за русского, она испортила отношения со своей семьей, – вспоминает историю своих предков Флоренский. – И всю жизнь от этого очень страдала. Вернувшись после учебы в Тифлис, они поженились, у них было семеро детей. Один из них, старший, Павел Флоренский – крупнейший представитель религиозной философской мысли, ученый-энциклопедист, священник. В 1937 году он был расстрелян на Соловках.

– А младший сын, мой дед, Андрей Александрович, был крупным военным инженером, руководителем конструкторского бюро и специалистом по корабельным и береговым орудиям. Он был лауреатом Сталинской премии, будучи беспартийным и братом репрессированного философа. Хотя все время ожидал, что его тоже посадят. Все равно же ценные кадры оказывались в тюрьмах и лагерях. Видимо, очень хорошие пушки изобретал... Кстати, жил он на улице Николаевская (она же Калинина, Джавахишвили). Там же его и отпевали в церкви Александра Невского. Ныне на этой же улице – Джавахишвили – сейчас живу я.

– **Это не похоже на случайность...**

– Случайно ничего не бывает. Я так считаю. Кстати, в Грузии у меня есть троюродная сестра. Это скульптор Марина Иванишвили.

– **А когда вы впервые попали в Грузию?**

– В Грузию я впервые попал в 1982 году, как только закончил институт. Тогда мы с женой и одним приятелем объехали всю Грузию. Я познакомился со своими родственниками. Нам все очень понравилось. Мы даже были в Сванети. А потом в Грузии наступили тяжелые времена. Но в 1994 году, кажется, в Петербурге обосновался худож-

Туман в Сигнахи. 2015

ник Котэ Джинчарадзе. Мы с ним очень подружились. Жил он там лет пять. И все это время я говорил ему: «Костя, надо поехать в Грузию!» А он отвечал: «Нет, еще рано! Там у нас света нет, воды». Но вскоре он вернулся на родину и в 2007-ом написал мне: «А теперь уже можно! Теперь у нас свет горит, вода идет!». И мы с женой и еще одним художником отправились в Грузию.

Котэ Джинчарадзе принял питерских художников в своем знаменитом доме в Раче. Это столетний дом деда Котэ, который он превратил в т.н. гостевой дом для художников и назвал его Arteli Racha. Флоренские провели в этом месте 10 дней. Там же гостили и работали грузинские

Мцхета. 2015

художники. Позже в Тбилисском музее «Карвасла» состоялась их коллективная выставка. После того визита в Грузию у Александра Флоренского созревает мысль обосноваться в Грузии.

– Мы решили обзавестись тут скромной квартиркой. Стали просматривать интернет. В это время Костя искал квартиру для своей сестры, и заодно интересные варианты показывал и нам. Таким образом совершенно случайно, но я считаю, абсолютно логично, он прислал фотографию одной квартиры на улице Джавахишвили и сказал, что надо брать.

Позже выяснилось, что дом стоит в ста метрах от жилья художника Михаила Шенгелия, а еще в этом районе живут художники Ушанги Хумарашвили и Олег Тимченко. Так что недолго думая, Флоренские купили эту квартиру.

Шел 2008 год. Александр Флоренский приехал делать ремонт в своей новой тбилисской квартире как раз в разгар августовского конфликта.

– Садясь в самолет, я совершенно не знал, что идет война. Это был последний прямой рейс из Петербурга. Прилетел, меня встречает Вахо Бугадзе и объясняет, что началась война. А у меня рабочие с апреля работают, ну так по-грузински – выпьют, закусят, песни споют и уйдут (*улыбается*). Они все клялись, что к моему приезду все будет готово. Приезжаю, стоят все в краске, ничего не готово. Ну я стал жить у Миши Шенгелия и подгонять их. При этом шла война. А у меня комплекс вины. «Вдруг танки на Тбилиси пойдут...» Я говорю им: «Давайте бросим ремонт, война ведь!» А они – «Зачем, все нормально, работаем». Так что закончили ремонт ровно к концу войны. И 21 августа я улетел обратно. В аэропорту огромные пробки были, ничего не летало две недели. И я был даже уверен, что мне в аэропорту придется спать неделю на полу. Но приезжаю – все в полном порядке. Стоит мой самолет. Думаю, ну сейчас мне в рожу плюнут в этой будке с моим

С Резо Габриадзе

паспортом или в спину что-нибудь скажут. Нет, говорят, счастливого пути! И улыбаются. Это, конечно, запомнилось...

РОЖДЕНИЕ «ТБИЛИССКОЙ АЗБУКИ»

С тех пор ежегодно Александр Флоренский весной и осенью приезжает в Тбилиси и работает здесь. А в 2011 году даже решил подарить горячо любимому городу особенный подарок – «Тбилисскую азбуку». Это своеобразный и занимательный путеводитель по самым известным местам столицы Грузии, начинающийся на все 33 буквы грузинского алфавита. Простые и увлекательные зарисовки карандашом были снабжены полезными и остроумными справками и комментариями автора.

– Как появилась идея создать «Тбилисскую азбуку»?

– Все началось с Иерусалима. Идея была не моя, я ее украл. Поэтому я пишу в каждой книжке об этом.

– У кого?

– У иерусалимского поэта и гида Михаила Короля. Мы с ним подружились в Иерусалиме. Он замечательный гид, знает в Иерусалиме абсолютно все. Т.е. благодаря ему я теперь знаю в Иерусалиме такие места, о которых не подозревают даже местные, живущие там десятки лет. И, когда мне пора было уезжать, он говорит: давай, мол, какую-нибудь совместную книгу сделаем. Ты – художник, я – поэт. В итоге Король сочинял стихи и выбирал объекты, а я их рисовал. И как-то я подумал: как странно – я в Иерусалиме второй раз в жизни, и я рисую «Иерусалимскую азбуку». А в любимый Тбилиси я летаю два раза в год – надо бы сделать «Тбилисскую азбуку».

Подумал и сделал. Но к «Тбилисской азбуке» Флоренский решил не привлекать поэтов, а сам написал авторские тексты. Дружья помогли ему с грузинским алфавитом. После чего Флоренский вдоль

Тбилисская азбука

и поперек обошел Тбилиси и зарисовал любимые места в своей книге. Выставка этих рисунков состоялась в кафе «144 ступеньки». Именно тогда нашелся и издатель «Тбилисской азбуки» – издательство «Диогене». А позже печать дополнительного тиража профинансировали и питерские меценаты.

Почти следом появились «Азбуки» Санкт-Петербурга, Воронежа, Черногории. В октябре, по словам художника, будет издана «Нью-Йоркская азбука». Кроме того, Флоренский нарисовал книжку «Путешествие из Мурманска в Киркенес». В ней художник немного отошел от формата азбуки и сконцентрировался на интересных маршрутах путешествия, не привязываясь к алфавиту. Такой же проект он планирует сделать о Грузии и назвать его «Путешествие по Грузии». В планах Флоренского переиздание «Тбилисской азбуки», потому что тираж весь был молниеносно распродан.

– А «Азбуку» какого города вы с удовольствием написали бы?

– Список бесконечен. Но моя мечта – Марокко.

– Почему?

– Не знаю. То есть, я знаю. Потому что Матисс очень много рисовал в Марокко, а мне очень нравится Матисс. И я бы хотел поехать, к примеру, в

Пасха в Церкви Александра Невского. 2015

Танжер и нарисовать «Путешествие по Марокко».

«МИТЬКИ»: ОТ ФУРОРА К ПОЗОРУ

Но задолго до всего это Александр Флоренский был известен у себя на родине, как один из создателей группы «Митьки». Эта группа из Санкт-Петербурга сложилась в 1980-е годы и быстро переросла в массовое движение, объединив художников, музыкантов, поэтов и писателей. «Митьки» стали некой визитной карточкой ленинградского неофициального искусства последних десятилетий XX века. Их живопись представляла собой такой «городской фольклор», с открытым и несколько простодушным взглядом на жизнь, в котором раскрывалась поэтичность и красота повседневности. «Митьки» экспонировались на выставках, снимали фильмы, выпускали газеты, писали музыку, гастролировали по миру.

– Александр, а что стало с «Митьками» сегодня?

– Сегодня с «Митьками» полный позор. Из тех, кто когда-то был «Митьками», остался один Митя Шагин, который прочно сел в середину, набрал каких-то новых левых людей и смешит народ неприятательными шутками. Причем он на самом деле не глупый человек. А когда-то это была компания утонченных, интеллигентных, образованных людей. Но вот некоторые черты характера, такие как любовь к славе, затмили разум когда-то талантливого художника, я бы так сказал. И Господь за это наказывает – лишает таланта, как со всеми это бывает. Поэтому от сегодняшних «Митьков» я стараюсь отрекаться как только могу, уже лет десять.

– А правда, что у вас хранится запись концерта Виктора Цоя у «Митьков»?

– Да. Это был концерт у меня в мастерской, который я записал на советский кассетный магнитофон. Как оказалось, там была пара песен, которые нигде не были записаны. Эту запись я передал сыну Вити, которого я в последний раз видел, когда Витя кормил его с ложки. Ему было 6 месяцев. И вот спустя двадцать семь с половиной лет звонок в дверь. Входит человек, метра два ростом, с такой легкой

сединой и объясняет, что он Саша. Он оцифровал эту запись и передал мне диск уже в оцифрованном виде. Так что теперь уже не пропадет! Но пока издавать не спешит. Я пообещал ему, что не буду выкладывать в интернет, он просил. Думаю, что это должен быть диск тиражом около тысячи экземпляров – для узкого круга друзей, чтобы раздать всем участникам события. Ведь в тот день у меня собралось очень много друзей. Это был апрель 1985 года.

НИКОГДА РАЗДЕЛЬНО

Несколько ранее, а точнее в 1977 году, Александр Флоренский встретил свою супругу, тоже художницу Ольгу Флоренскую. Молодые люди познакомились в институте, на первом курсе. С тех пор рука об руку успешно идут как по жизни, так и в творчестве.

Старая квартира Флоренских

Иван Грозный и сын его Иван. 2014

Эту любовь к живописи переняла и их дочь Екатерина Флоренская – также известная питерская художница. С недавних пор семья Флоренских приобрела в исторической части грузинской столицы мастерскую с великолепным видом на город, где все члены творческого семейного коллектива трудятся над созданием своих произведений.

– **Александр, не трудно ужиться с супругой-художницей?**

– Да нет! У нас как-то это решилось. Потому что каждый из нас делает собственные вещи. Рисуем на бумаге и на холстах самостоятельно, а вот объекты всегда делаем вместе. Никогда раздельно. И это не из вежливости, а потому что там все очень сложно и должен быть двойной контроль качества.

– **А что вам ближе всего? Графика, живопись, скульптура, арт-объекты...**

– А над тем и другим я работаю с одинаковым тщанием. Это упрощенно преподносил Лев Толстой: вот человек сначала попашет, посеет, покосит траву, а потом пойдет, напишет симфонию (что-то в этом роде). Потому что объекты часто связаны с физическим трудом и очень серьезной работой. Живопись – в меньшей степени. Но, чтобы подняться в мастерскую на Мейдан порисовать, тоже труд нужен – высоко очень. И в Петербурге у нас мастерские в мансардах, куда подниматься надо на шесть этажей, без лифта. А для объектов, которые мы делаем на даче под Петербургом, у нас в сарае дрели, болгарки, электрические пилы, дисковые пилы...

– **Внутренний арсенал!**

– Да, потому что иногда надо использовать и такие инструменты для создания наших объектов. В основном мы работаем со старыми вещами, найденными на помойке или купленными на блошином рынке или в антикварном магазине. Это обычно ящики, цилиндры, сосуды, жестяные банки. Быва-

ет, что-то тут прикуплю на тбилисском Сухом мосту и везу в Питер. Создание некоторых объектов занимает несколько лет. А потом наша задача не распродать их по одиночке, а передать какому-то музею целиком, а это непросто. Но удается иногда. В квартире и мастерских они уже не помещаются, поэтому их, как котят, куда-то надо пристроить. Когда за деньги, когда бесплатно, если музей – то можно подарить.

– **А привезти эти объекты в Грузию не думали?**

– А в Грузии пока такого музея нет. Вот я и жду появления такого музея, который захочет принять в подарок какие-то наши произведения. Да и вообще, все, что я делал в эти годы в Грузии, я увозил в Петербург. А вот с прошлого года мои работы уже назад не увозятся. Потому что я принял решение: все, что здесь делаю – не увозить. То есть сформировать грузинскую часть наследия. Чтобы, если я помру, здесь что-то осталось. Потому что это абсурдно: я здесь живу и здесь нет моих работ. Если только в частных коллекциях, и то немного... Тем более в глубине души я уже считаю себя отчасти тбилисским художником.

ДАТЬ ПИРОСМАНИ

За последние годы Флоренский и правда стал неотъемлемой частью грузинских живописцев. Дружбой с художником, чьи работы хранятся в Русском музее и Третьяковской галерее, гордятся такие известные тбилисские мастера живописи, как Ушанги Хумарашвили, Темо Джавахишвили, Мамука Цецхладзе, Вахо Бугадзе, Михаил Шенгелия, Михаил Гогричиани, Котэ Сулаберидзе, Муртаз Швелидзе и другие.

– **Александр, кто, на ваш взгляд, самый интересный современный грузинский художник?**

– О! Это все мои друзья.

– **А из молодого поколения?**

– Двух молодых художников я считаю очень серьезными, которые, может быть, я много беру на себя, но считаю, что в какой-то момент они были даже моими ученицами. Это Туту Киладзе и Тина Чхиквишвили. Я считаю, что у них большое будущее. Особенно развернулась Туту Киладзе. Она совершенно никому не была известна. Мы с ней познакомились, я восхитился ее работами и стал ее коллекционировать.

– **Кто же вам близок из ныне покойных грузинских художников?**

– Пиросманашвили.

– **Кстати, у вас с ним просматривается некая связь...**

– Так я этого и не скрываю (причем странно, что это просматривается у меня и совершенно не просматривается у современных грузинских художников). Но это же отчасти такое, как говорят в современном искусстве – не подражание, а как бы цитирование. Я же это сознательно де-

лаю. Знаете, есть такое французское словечко – *homage*, что значит уважение. Это такая дань Пиросмани.

В подтверждение сказанного Флоренский показывает мне серию своих картин, которые сильно напоминают легендарные вывески Пиросмани. Овощи, фрукты, вино, боржоми, хинкали, наивные женские портреты...

– Во-первых, если приглядеться, не такой уж он примитивист, – продолжает Флоренский. – Потому что у него такие мастерские композиции, такое мастерское владение цветом... Конечно же, формально, этот человек был необразованным художественно. Но и слава богу. Потому-то он и стал гением. Если бы он попал в Академию художеств, у него бы эту дурь вышибли бы мгновенно. Но он просто безукоризненно чист и честен. Обычно же фальшь лезет всем в глаза. Люди любят все напыщенное, надутое. «А не все золото, что блестит», гласит русская поговорка. Вот Пиросманашвили вообще не блестел при жизни и никому не был нужен. А потом справедливость все же торжествует. Выясняется, что дорожке его ничего в Грузии не существует. И лучше его художника нет и не было никогда. Кроме фресок. Вот фрески в Грузии гениальны. Не знаю, правда, все ли они написаны грузинами. Потому что, например, в Сванети самые лучшие фрески создал мастер Тевдоре, а он был из Греции.

– А кто заслуживает внимания в России?

– Иван Сотников, Ира Васильева, Таня Сергеева – в Петербурге это самые любимые мои художники.

– Кто же ваш абсолютный кумир в живописи?

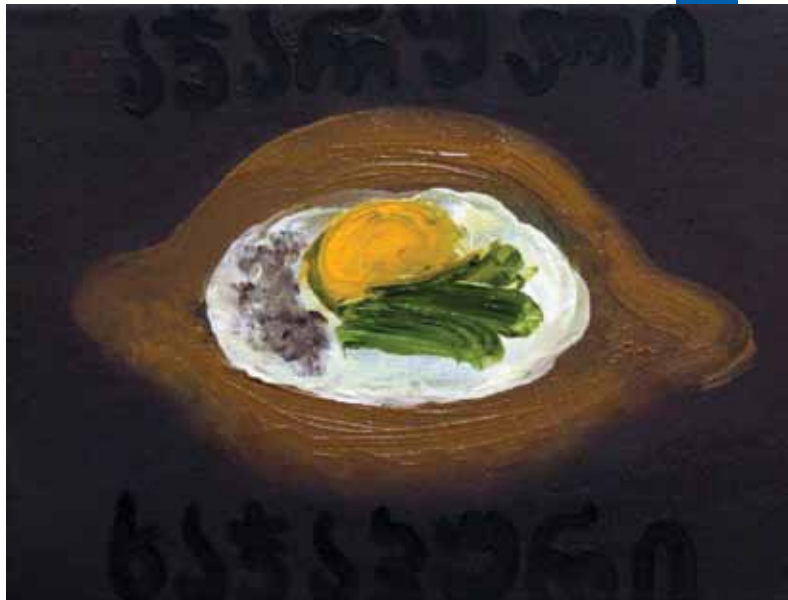
– Это место делят у меня Матисс и Пиросмани. Есть, кстати, тоже гениальный польский примитивист Никифор. Тоже нищий человек был, всю жизнь рисовал дворцы и домики. Пятьдесят лет рисовал одно и то же акварелью и карандашом. Это их Пиросмани. А в Англии был Альфред Уоллис, бывший рыбак, такой английский Пиросмани. Тоже чудесный художник.

– Так в чем же, по-вашему, загадка успеха этих художников?

– Успех примитивистов не в том, что мода какая-то – а в честности, в первую очередь. И в подлинности, что самое главное в искусстве. А вовсе не в профессионализме, который может быть, а может не быть. Рембрандт обладал высоким профессионализмом и тем не менее он гениальный художник. Или Веласкес. А у Пиросманашвили не было профессионализма такого, как у Веласкеса – и он гениален.

– Честность художника – значит писать то, что ты думаешь?

– Да. Не вставать на цыпочки, не тянуться куда-то... Вот есть философская категория, не помню, кем из философов предложенная. Она говорит, что есть две вещи – «быть» и «казаться».

Адджарский хачапури. 2014

Когда идет человек, одетый в лучшую одежду, на лучшем автомобиле, с золотой кредитной картой или личным самолетом. Он «кажется». Потому что, если его раздеть и посадить в обезьянник, в полицию, то он, может, самый первый всех предаст, продаст и окажется ничтожеством. А тот, кто в объедках роется, может быть, окажется порядочным человеком. И это очевидно! Вот это «быть» и «казаться» в искусстве – то же самое. Да и в литературе, в кинематографе, в журналистике, где угодно. Так вот, Пиросмани «был», а кто-то хочет «казаться»... Многим испорченным людям, людям-потребителям, кажется, что раз художник учился в Европе – это хорошо. А Пиросмани, например, даже в Батуми ни разу не был. Какая тут заграница?! Он прожил всю жизнь около вокзала. Глупые люди говорят: мол, раз выставлялся на Венецианской биеннале – значит, хороший. Очень хороший проект сделал однажды один художник на этой самой Венецианской биеннале. Он на стенах одной комнаты просто написал разные фамилии. И эти фамилии никому ничего не говорили, ровным счетом ничего. И оказалось, что это были лауреаты золотых медалей Венецианской биеннале прошлых лет. А Венецианская биеннале – самая престижная в мире выставка. И эти люди получили ее золотые медали. А их имена на стенах ничего людям не говорили. Среди них не было ни Матисса, ни Пиросмани, ни Уоллиса, ни Никифора, ни многих других прекрасных авторов. Всех тех, о ком снимают фильмы, чья жизнь и творчество изучаются...

В завершение нашего с Александром Флоренским разговора он попросил разрешения нарисовать меня – еще одним портретом пополнить свою серию картин под названием «Грузинские красавицы». Перед рисованием художник предупредил, что портрет иметь сходство с моделью не будет. Оказалось, слукавил. Сходство есть, потому что честно рисовал меня.

На выставке Маки Ждановой

МАКОВКА

■ Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

В пространстве между верхним и нижним храмовыми залами Самеба уже несколько дней обитают на полотнах и в скульптурах персонажи грузинской художницы Маки Ждановой. Открылась ее персональная выставка при поддержке женской благотворительной организации «Эртоба».

Полгода назад я побывала на выставке художницы в музее Карвасла. Тогда и сама художница и ее работы показались мне очень экстравагантными и весьма изысканными, поскольку каждое движение, каждый жест персонажей на полотнах и в скульптурах был по-балетному подчеркнута элегантен. Будь-то нюхающий бутон розы романтик, либо ангелы, дирижирующие нашим подсознанием антеннами от транзисторов. Но тогда мне представлялось, что работы более декоративны, чем одухотворены.

В Храме они зазвучали иначе. Выставочный зал Самеба место давно популярное и однозначно доброе. В нем, по идее,

проводят выставки тех произведений, которые наполняют сосуд духовности народа. Однако сама архитектура глубокого многоярусного Храма, да еще с предполагаемой усыпальницей на нижнем уровне, играет с воображением. И когда утром по внутренней глухой лестнице вниз повели большую группу иностранных туристов, мне почему-то вспомнились кадры из популярного фильма о вампирах, и стало жутковато. Конечно же, их повели на выставку.

В подвесном зале среди работ Маки Ждановой было легко и весело. Десятки разных глаз смотрели со всех стен. Умные, грустные, тоскующие, хитрые и насмешливые, но там не было злых глаз. В утреннем полумраке внутренней галереи мозаично яркие полулюди-полубабочки выпорхнули из своих рамок.

Будто бы ангелы-хранители людей, имеющих отношение к храму – его строителей, священнослужителей, блаженной, живущей при храме, нищих, кокетливых прихожанок, обвен-

Работы Маки Ждановой

чанных здесь пар, соседей, невольно ставших частью жизни храма – облюбовали себе пространство для отдыха.

Легкий щелчок, и яркий свет множества люстр спугнул бабочек-ангелов, метнувшихся к своим рамкам и застывшим на месте. Это смотритель, увидев утренних посетителей выставки, включил верхний свет. Но интрига уже была создана, и захотелось внимательно рассмотреть и разгадать каждую работу.

Персонажи художницы живут на слегка скомканной тонкой бумаге, что придает им едва заметную вибрацию. Фантазия и возможности автора так велики, что одним витиеватым бесконечным штрихом она рассказывает целые истории. Яркие лабиринты всевозможных оттенков чувств затягивают за собой взгляд зрителя, будя воображение. Прекрасный, легкий и светлый мир, с бабочками и птицами, вкрапленными в ткань каждого полотна. В декорациях этого мира живут скульптуры из гипса, бронзы и керамики. Жаждающий земной жизни юный Адам, колесо времени, грустный старичок на ослике из пироманиевских времен, ассирийские кони и путник с ветром странствий в голове.

Но, конечно, центральные маяки этого зала и этого места – библейское Святое семейство и два трогательных, нежных ангела, устроившихся на зингеровской подставке от швейной машины. Одна из ранних и со-

саридзе, многому научившие и постоянно поддерживающие ее творческий тонус. Счастливая мама талантливой восемнадцатилетней дочери Лизы.

Мака Жданова подписывает

всем новая композиции, как струны связали между собой два храмовых зала в вертикальном пространстве, будто так и было задумано изначально.

«Ангелы давно во мне сидят, еще в школе и в Академии...», – комментирует свои скульптуры Мака Жданова

Она вошла в зал, такая же изящная, как и ее картины. Едва коснувшись, приласкала скульптуры, подошла к каждой картине. «Я неспокойна за них, если вечером не прихожу в зал». Сказала по два заветных слова про каждую из работ.

Талантливая молодая женщина летит по жизни за своей мечтой. Юная балерина, поработав немного в Театре оперы и балета, почувствовала желание ваять и дерзко пришла совершенно неподготовленная в Тбилисскую Академию художеств. Через две недели подготовки у известного художника не только сдала успешно рисунок и рельеф (первые два экзамена по специальности), но была освобождена от дальнейших обще-

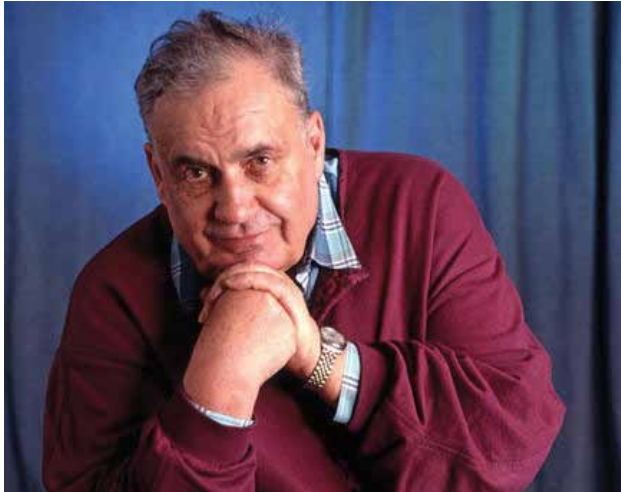
образовательных экзаменов. Окончила курс скульптуры. Восторженно рассказывая о прекрасных людях окружавших ее в Академии, главным педагогом своим, научившим работать с гипсом и другими материалами, считает скульптора Нодара Попхадзе. Чрезвычайно самокритична! Уверяет, что в Академии так и не научилась рисовать, да и настоящим скульптором себя не считает, так как не работает с камнем. Свое направление в искусстве считает примитивизмом. Лукавство? Нет! Скорее высокая планка! Понимание того, куда развиваться дальше. Вторая персональная выставка и очень много творческих планов – работы на холсте и в камне.

Работает быстро и легко, без тяжелых творческих мук. Счастливая влюбленная женщина, утверждающая, что главную роль в ее творчестве играет муж Георгий, превративший жизнь в сказку, и верные давнишние друзья – художница Эля Рамишвили и архитектор Леван Ина-

свои работы «МАКАВКА». Мне кажется, что она правда похожа на маковку церкви, в которой весело живут ангелы.

Хочется верить, что после окончания выставки, ангелы не покинут Храм. Для Грузии, переживающей подъем в храмовом строительстве, важно, чтобы достойные произведения современного искусства немедленно находили свое место на духовной территории.

Эльдар Рязанов: «Я счастливчик – мои фильмы принимал народ»

■ Донара КАНДЕЛАКИ

Ушел Эльдар Рязанов. Страшные, неукладывающиеся в сознании слова. Ушел... Из жизни, которую любил безгранично со всеми ее плюсами и минусами, радостями и горестями; от работы, без которой не мыслил существования, от любимых и любящих близких, от верных, преданных друзей, от многих тысяч преклонявшихся перед его талантом и человеческими качествами, обожавших его поклонников.

Рязанов – личность уникальная. Дар, которым он был награжден, он «отработал» с лихвой. Он не просто блестящий мастер, выдающийся профессионал, он человек редких качеств, первые из которых – порядочность в самом высоком смысле слова, интеллигентность, неумная энергия, жизнерадостность, оптимизм, добро, принципиальность, способность не гнуться перед сильными мира сего и препятствиями (а их в жизни режиссера было ох как много). Он не только не сломался, не потерял веру в справедливость и людей, но остался таким же (а может, и более) добрым, веселым, с редким чувством юмора, мужественным, умным, человечным, без малейшего намека на звездность, без высокомерия и самолюбования.

И с таким человеком мне посчастливилось познакомиться, а со временем и подружиться. Мы встретились в Пицунде в Доме творчества кинематографистов и журналистов. Первой мыслью было: какая удача! Обязательно надо будет с ним побеседовать! Но я тут же «увяла». Неудобно, бестактно. Звезда мирового кино приехал отдохнуть после тяжелого года (только что закончились съемки «Служебного романа»), а тут какая-то «зеленая» провинциальная пигалица будет приставать с расспросами. Я загрузила, но мне помог счастливый случай. Мы столкнулись в лифте «лицом к лицу». Тут уж я решила – отступать нельзя. Я представилась и робко спросила: «Можно я задам вам пару вопросов?» Откровенно говоря, на положительный ответ мэтра не рассчитывала, но мэтр (который, кстати, был в шортах и кепке с козырьком) спокойно и просто сказал: «Можно». – «А где?» – «Как где? Здесь,

Грузинская делегация на похоронах Эльдара Рязанова

на пляже». – «А когда?» – не унималась я. – «Да прямо сейчас...» Мы очень хорошо поговорили. С Эльдаром Александровичем было интересно, тепло и уютно; благодаря естественности его поведения я «раскрепостилась» и слушала его, боясь пропустить хоть одно слово.

По возвращении в Тбилиси я написала материал для «Вечернего Тбилиси» и публикацию отослала в Москву, а вскоре побывала в столице. Сразу же позвонила своему респонденту, он поблагодарил за интервью, сказал, что оно ему понравилось и пригласил на Мосфильм, где уже начал снимать новый фильм. Я провела на студии целый день, не переставая удивляться и восхищаться этим гениальным и таким простым человеком. Работа кипела, не было никаких перекуров, пустых разговоров; были и дубли, и замечания (и, частенько, довольно жесткие, но всегда тактичные и по делу), но все вокруг было погружено в ауру интеллигентности, доброжелательности, любви к окружающим и делу, которому служили.

За прошедшие годы мы неоднократно встречались и в Тбилиси, и в Москве, изредка перезванивались и переписывались. Кстати, письма Эльдар Александрович всегда писал от руки, что редкость в наше время интернета и смс-ок.

Уход Эльдара Александровича я восприняла как огромное личное горе, и моя сердечная рана, думаю, никогда не затянется. Но в самые тяжелые моменты жизни на помощь приходят мудрые слова Иннокентия Анненского: «Не говори с тоской – их нет, но с благодарностью – были!» А нам есть за что благодарить незабвенного и дорогого Элика. Он оставил нам свои замечательные фильмы, мудрые, трогающие сердца книги, огромное количество записей – умных, веселых, а порой – грустных телевизионных передач, уникальный клуб «Эльдар», а они все несут людям радость, веру в победу добра, незыблемость света и надежды, учат мужеству, чести, достоинству, верности, дружбе и любви. И еще, о чем я не могу не сказать: все, кто любят Эльдара Александровича, должны до земли поклониться Эмме Валерьяновне Абайдулиной. Эта хрупкая, изящная женщина подставила Рязанову свое, как оказалось, очень сильное плечо в самый трагический момент его жизни, не дав ему сломаться, потерять веру в себя, нежелание жить дальше. Верная, мужественная Эмма стала не просто женой, помощницей, единомышленницей, но подлинной стойкой соратницей. «Ты за меня держись...», – говорила Эмма мужу. – «А я только за тебя и держусь», – отвечал он и держался до последнего вздоха.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ჯ ი შ ვ ი ლ ი

ГОРОДА РОССИИ

ОСТРОВ ВАЛААМ
СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

